

рочной, а лише того об'рока не имати»; «А дань имат с Сеньгу въ выход по моси грамотъ, великаго кн(я)зя, по оброчной, а лише того оброка не имати»: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — С. 177.

²² ПСРЛ. — Пг., 1922. . — Т. 15, вып. 1: Рогожский летописец. — Стб. 158.

²³ Там же. — Стб. 157.

²⁴ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — С. 184.

²⁵ ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т. 6. — С. 86; Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — С. 182, 184.

C.V. Полехов, A.A. Гиппиус, P.V. Лукин, E.P. Сквайрс
**НОВАЯ ГРАМОТА О НОВГОРОДСКО-ГАНЗЕЙСКИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ (1425 Г.)^{*}**

Аннотация: В статье впервые публикуется, с историческим и лингвистическим комментарием, древнерусский текст послания властей Ревеля в Новгород, написанного в марте 1425 г. в связи с арестом и удержанием в Новгороде ревельских купцов. Параллельно, по оригиналу, с сохранением всех существенных лингвистических особенностей публикуется средненижненемецкий текст послания. Показано, что русский текст вторичен по отношению к средненижненемецкому тексту послания, проанализированы расхождения перевода с оригиналом, вызванные различиями в политическом словаре Новгорода и Ганзы. На основе лингвистического анализа документа делается вывод о том, что переводчик не был природным носителем русского языка и обучался ему не в Новгороде, а, по-видимому, на территории Великого княжества Литовского. Этим может объясняться языковая гетерогенность текста, в котором западнорусские черты сочетаются с чертами новгородского диалекта. Публикуемый документ содержит важную историческую информацию, в частности, о роли, которую играл в политической жизни новгородский архиепископ, и о культе святой Софии.

Ключевые слова: Новгород; Ганза; дипломатическая переписка; политическая и правовая терминология; древнерусский язык; древненовгородский диалект; средненижненемецкий язык

S.V. Polekhov, A.A. Gippius, P.V. Lukin, C. Squires
A newly discovered document on the relations between Novgorod and the
Hanse (1425)

Abstract: An Old Russian charter written in March 1425 by the authorities of the city of Reval (modern Tallinn in Estonia) to Novgorod, concerning the arrest and captivity of Reval merchants, is published for the first time, accompanied by historical and linguistic commentary. Alongside with it, a parallel

¹ Данная работа в значительной степени выполнена благодаря гранту РФФИ № 20-09-00065. За помощь и содействие в архивных поисках авторы благодарят Лею Кыйв, Тийну Калу (Таллин), Петера Верстера, Наталью Дутку, Дениса Хормута (Марбург) и Игоря Юрьевича Анкудинова (Великий Новгород). Принятые сокращения: ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / подгот. С.Н. Валк. — М.; Л., 1949; РГАДА — Российский государственный архив древних актов; HR — Hanserecesse, HUB — Hansisches Urkundenbuch, LECUB — Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch; MHWB — Mittelniederdeutsches Handwörterbuch; TLA — Tallinna Linnaarhiiv.

Middle Low German version of the same document is published in full accordance with the original manuscript, retaining all relevant linguistic detail. The German text is shown to be primary to the Russian one, and the deviations in the Russian translation are analysed against a background of differences in the political vocabularies in Novgorod and the Hanseatic cities. Linguistic analysis also proves that the translator was not a native Russian, and that his linguistic skill was not acquired in Novgorod, but rather somewhere in the Grand Duchy of Lithuania. This explains the heterogeneous character of his language, combining features of Novgorodian dialect with Ruthenian. The published document contains historical evidence of high importance, concerning such issues as the prominent role the archbishop of Novgorod played in the political life, and the cult of Saint Sophia (Holy Wisdom).

Keywords: Novgorod; The Hanse; Diplomatic correspondence; Political and legal terminology; Old Russian; Old Novgorodian dialect; Middle Low German

Актовые и эпистолярные материалы (грамоты), наряду с летописями, текстами на бересте, печатями, граффити, составляют основу изучения истории средневекового Новгорода. В силу ряда обстоятельств, Новгород сохранил наибольшее среди других регионов России количество актов раннего времени, XII—XIV вв. Главным изданием актового материала Новгородской земли XII—XV вв. на сегодняшний день остается публикация «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», выпущенная в 1949 г. под редакцией С.Н. Валка (1887—1975). Но в эту публикацию вошли даже не все новгородские грамоты, известные к тому времени. В последующий период были обнаружены еще несколько десятков грамот, сохранившихся в виде копий XVI—XVIII вв. Стали известны и новые списки грамот, не сохранившихся в подлиннике.

Среди новгородских документов особое место занимают грамоты, связанные с взаимоотношениями Новгорода с зарубежными соседями и, прежде всего, с главным его торговым партнером — Ганзой. Большинство новгородско-ганзейских грамот сохранилось за границей, главным образом в архивах Любека, Риги и Таллина. Грамоты этого типа, вошедшие в издание 1949 г., были перепечатаны из предшествующих публикаций, в основном немецких, без поиска рукописей и сверки текстов по ним. При этом иногда сохранялись неточности, допущенные в этих публикациях, а вопрос о подготовке сводных текстов по нескольким рукописям даже не ставился.

Сказанное выше делает необходимым подготовку нового издания «Грамот Новгорода и Пскова», которая и осуществляется в настоящее время коллективом в составе И.Ю. Анкудинова, П.В. Лукина, С.В. Полехова и Е.Р. Сквайрса.

Основным языком коммуникации между Новгородом и его западными соседями был древнерусский; грамот, изначально на-

писанных на других языках (немецком, латыни, норвежском, шведском), относительно немного. Между тем лишь около трети новгородских грамот, которые планируется опубликовать в новом издании ГВНП, сохранилось в древнерусских подлинниках и списках, большинство же их дошло до нас в переводах — как правило, среднениженемецких, понимание которых нередко составляет проблему даже для немецких исследователей¹. Они, в свою очередь, помогают понять некоторые места древнерусских текстов. С этой точки зрения особую ценность представляют те грамоты, которые сохранились параллельно на древнерусском и среднениженемецком языках. До сих пор было известно восемь таких грамот: это послание Новгорода Любеку от декабря 1371 г.², Нибуров мир 1392 г.³, договоры Новгорода с ливонским отделением Тевтонского ордена 1421 и 1448 гг.⁴ и Пскова 1509 г.⁵, послания Новгорода в Ревель 1441 г.⁶ и Пскова в Ригу 1463—1465 гг.⁷, а также опасная грамота Новгорода ганзейским послам 1472 г.⁸ Сюда примыкает новгородско-ливонский договор 1481 г.: сохранился среднениженемецкий перевод лишь небольшой его части⁹. Издатели ГВНП в таких случаях ограничивались публикацией одного древнерусского текста, даже если им был известен среднениженемецкий, что существенно затрудняет сопоставление параллельных текстов¹⁰. В настоящей публикации вводится в научный оборот древнерусский текст грамоты, ранее известной лишь в среднениженемецком варианте, который для полноты картины также публикуется вместе с переводом на современный русский язык. При этом специальное внимание будет уделено судьбе древнерусского текста послания и его соотношению со среднениженемецким текстом.

***

Публикуемая грамота сохранилась в архиве города Ревеля (ныне — Таллин, столица Эстонии). Систематизацию материалов Ревельского городского архива начал Фридрих Георг фон Бунге в 40-е годы XIX в. Он ввел деление архивных документов на тематические рубрики, которое поныне сохраняется в Таллинском городском архиве¹¹. Со временем обнаруживались неизвестные ранее документы, в том числе достаточно древние. К настоящему времени удалось выяснить местонахождение не всех русских грамот Ревельского архива, которые публиковались и копировались в XIX в. К счастью, некоторые из них дошли до наших дней в виде прорисовок и фотографий, сделанных в научных целях в XIX — начале XX в.¹² Три грамоты, местонахождение подлинников которых неизвестно, опубликовал по таким фотокопиям С.Н. Валк¹³. В виде фотокопии до нас

дошло и публикуемое ниже послание властей Ревеля властям Новгорода, написанное на древнерусском языке.

Сначала ученым стал известен средненижненемецкий текст этого послания, сохранившийся в Ревельском городском архиве и опубликованный рижским архивистом и археографом Германом Гильдебрандом в 1881 г.¹⁴ Поскольку власти Ревеля обращались к архиепископу Емельяну, издатель верно определил, что речь идет о Евфимии I, носившем это мирское имя и занимавшем кафедру в 1424–1429 гг.¹⁵, и связал послание с арестом ганзейских купцов в Новгороде в начале 1425 г. в ответ на избиение новгородских купцов и захват их товаров у эстляндского побережья в 1424 г. С учетом хронологии новгородско-ганзейских контактов ему удалось отнести послание ко второй половине марта 1425 г. и установить, что его немецкий текст был отправлен в приложении к несохранившемуся письму властей Дерпта властям Ревеля¹⁶.

В 2016 г. С.В. Полехов обнаружил в фонде фотографий Таллинского городского архива снимок древнерусского текста этого послания Ревеля в Новгород. Судя по характерной пометке в правом верхнем углу грамоты с датировкой и указанием публикации немецкого текста, после его публикации с ее русским текстом работал Герман Гильдебранд, который до самой смерти в 1890 г. собирал не только материалы для очередных томов «Ливонских грамот», но и дополнения к уже вышедшим томам. Дальнейшая судьба русского текста послания неизвестна: хотя на обороте фотокопии имеется карандашная пометка на эстонском языке о принадлежности подлинника к подборке русских документов Таллинского архива и его хранении в Германии («TLA, fond 230-1-BH 30 “Rossica”, orig. Saksamaal»), в 2016–2017 гг. его и его следов не удалось разыскать ни в Таллинском городском архиве, ни в Гердеровском институте в Марбурге, где хранятся инвентари Ревельского городского архива, созданные после Второй мировой войны¹⁷. Возможно, подлинники этого и других посланий, известных по фотокопиям (и прорисовкам?), были утеряны в период эвакуации Ревельского архива в Москву (1915–1920), во время или после Второй мировой войны¹⁸.

Во время конфликта между Новгородом и Ганзой в 1424–1425 гг. переговоры не приносили успеха, и ганзейские города прибегли к традиционной в таких случаях мере — попытке запретить членам объединения торговлю с Русью. Однако осуществить этот запрет в полной мере не удалось: экономические соображения оказались сильнее. В роли посредника выступала Швеция, а некоторые ганзейские города (в частности, Данциг) фактически саботировали бойкот¹⁹. Лишь в октябре 1425 г. задержанные немецкие купцы со свои-

ми товарами были отпущены из Новгорода, даже несмотря на то что найти разбойников к этому времени не удалось, а власти ливонских городов твердо настаивали на своей непричастности к инциденту²⁰.

Поскольку в русском и немецком текстах имеются отличия, возникает вопрос: какой из них первичен? В сопроводительной приписке говорится о тексте, согласованном властями Дерпта, и уже это заставляет думать, что первоначально он был написан на языке их повседневного общения — средненижненемецком, и лишь затем переведен на русский для отправки в Новгород; это, разумеется, не исключает употребления укоренившихся в средненижненемецком русизмов (таких как «крестное целование», «челобитье») в тексте, предназначенному для собственного пользования немцев.

Определенно первичность немецкого текста по отношению к древнерусскому устанавливается в результате детального анализа их языковых особенностей и текстологического сопоставления обоих вариантов.

Времени написания письма предшествовали многие десятилетия ганзейско-русских контактов в Новгороде, в течение которых переводом с одного языка на другой, причем в обоих направлениях, занималась исключительно немецкая сторона. Такое положение сохранялось примерно до середины XV в.²¹ Профессиональные переводчики Ганзы накопили большой опыт лингвистической работы, в результате которой они хорошо знали и древнерусский язык, владели особенностями чина русской грамоты и русского письма и не только умели составлять качественные тексты на древнерусском, но и выработали вариант средненижненемецкого официально-делового стиля, отличного от принятого у них на родине целым рядом черт (терминов, формул и грамматических конструкций), перенесенных из древнерусского²². К этим приобретениям немецкого канцелярского языка в контакте с русскими относится и упомянутая выше формула крестоцелования, четырежды встречающаяся в русском тексте письма в конструкции *по хрестному целованью*. Ее передача в немецком тексте *bij der krucekussinge* ‘по договору, заверенному крестоцелованием’ (то есть в соответствии с ним) совершенно правильна с точки зрения сложившейся у ганзейцев языковой практики²³. Столь же регулярны немецкие эквиваленты русскому *безо всяко хитрости* — синем. *sunder (alle) behendicheid*. В целом немецкий текст безуказнен в передаче большинства формульных элементов. Тем не менее в ряде случаев особенность или даже необычность примененных формулировок указывает на авторство немецкой стороны. Для начала рассмотрим термины, которыми в послании обозначаются стороны конфликта.

Если сравнить интитуляции обоих текстов, то мы увидим, что выражению *teenheid der stad Reuele* соответствуют *все колыванцы* (т.е. жители Колывани-Ревеля-Таллина) текста русского. Это связано с тем, что в русском «политическом языке» того времени отсутствовал специальный термин, который бы обозначал городскую коммуну и ее полноправных членов в целом, и «заменителем» его были наименования жителей города с определениями «весь», «все»²⁴. Эти важные отличия в политическом самосознании новгородцев, очевидно, хорошо понимали немцы и старались соблюдать при формулировке русских текстов. Об этом, во всяком случае, говорит их обращение с коллективными обозначениями социальных групп при их передаче на русском языке.

Среди коллективных обозначений особо выделяется самоназвание ганзейской стороны — лексема *kortman* ‘купец’, которая встречается в целом спектре значений, начиная от обозначения конкретного лица купеческого звания и заканчивая обобщенным обозначением Ганзы как торгового союза купеческих городов (*de kortman*, с определенным артиклем). В последней функции употребление одиночной лексемы является сокращенным вариантом формулы коллективного самоназвания Ганзы, а между этими двумя названиями располагается несколько вариантов, различающихся большей или меньшей степенью обобщенности (коллективности) значения, например:

— *de Dutsche cortman nu tho Nowgarden wesende* ‘немецкие купцы, находящиеся в настоящее время в Новгороде’, то есть купеческая община Петрова двора;

— *Dudesche kortman* ‘немецкое купчество’ (букв. ‘немецкий купец’), обычно обозначение Ганзы;

— *de geteyne kortman*, буквально ‘объединенные купцы’ (в форме ед. числа), также обозначение Ганзы²⁵.

Этим разным степеням обобщенности семантики лексемы *kortman* соответствуют грамматические различия в ее функционировании, в том числе в реализации согласования и в употреблении артикла. Как установила Л.И. Бурлаченко в работе, посвященной связи между семантикой и грамматикой собирательных образований²⁶, семантика слова *de kortman* ‘купец (персона)’, ‘купеческая община (в Новгороде)’ или ‘объединенное купчество, то есть вся Ганза’ коррелирует с различной конгруэнтностью в числе с относящимися к нему глаголами, местоимениями и прилагательными, а также с некоторыми другими аспектами его сочетаемости. Как обозначение отдельного лица, слово *kortman* во множественном числе (примечательно, что у него есть омонимичная форма плюралиса) согласует-

ся с глаголами и местоимениями в плюралисе, тогда как в значении всей Ганзы всегда имеет место согласование *ad formam*, то есть в сингулярисе, а для *kortman* в качестве обозначения немецкой общины в Новгороде характерно синтаксическое варьирование между согласованием *ad formam* и *ad sensum*. По сравнению с обозначением Ганзы его семантика ближе к семантике формы множественного числа существительного *kortman*: «Формула *de kortman*, употребленная в значении “купеческая община”, фиксирует переходное состояние между множественностью и коллективностью, что приводит к колебаниям при выборе типа согласования»²⁷. Так, для нее возможно согласование *ad formam*, то есть в единственном числе.

Эти наблюдения Л.И. Бурлаченко можно применить к шести контекстам ревельского письма 1425 г. Из них три случая подобны, так что имеет смысл рассмотреть их вместе.

<i>dat gi vnsen cortman hebben vpgeholden myt syme gude</i>	что вы нашихъ купцовъ принали и съ ихъ товаромъ
<i>hebben gi unsen cortman geholden myt sute gude</i>	вы нашихъ купец принали и съ ихъ товаромъ
<i>latet vnsen cortman vrij varen mit syme gude</i>	отпустите нашихъ купец и съ ихъ товаромъ

Во всех трех немецких контекстах очевидно, что несмотря на единственное число *vnsen cortma(n)* (букв. ‘нашего купца’) и согласование в единственном числе с местоимением в группе дополнения *myt syme gude* ‘с *его* товаромъ’, речь идет не об одном захваченном человеке, а о группе купцов, названных сингулярным (коллективным) обозначением. О том же свидетельствует и грамматика: согласование *ad formam* (Sg. лексемы ‘купец’ + Sg. местоимения) позволяет только обобщенное понимание: по данным Л.И. Бурлаченко — как ‘купеческая община’ или как ‘ганзейское купчество, Ганза’. Конкретное содержание письма однозначно исключает второе, хотя и первый вариант кажется излишне обобщенным; однако здравый смысл говорит, что речь идет о группе купцов из этой общины (то есть новгородская ганзейская община названа по ее части). Русский вариант в этих трех случаях буквально пишет о группе купцов и употребляет согласование в плюралисе: (захватили/отпустите) *нашихъ купцовъ / нашихъ купец/купец <...> съ ихъ товаромъ* ‘наших купцов с их товаром’ (древнерусское *купъцъ* — форма Вин. мн. ‘купцовъ’²⁸).

В начале письма есть выражение *deme cortmann* как часть обращения ревельцев к новгородцам. В собственно древнерусской традиции обобщенным обозначением русской стороны является выражение «весь (Великий) Новгород», однако коллективное обозначение

русских партнеров как новгородского купечества для нее не характерно, оно несомненно является немецкой инновацией. В духе ганзейской традиции для этого обозначения партнерской стороны выбран коллективный сингулярис в средненижненемецком, который аналогично передан и в древнерусском: *и купъомъ и ко всему Великому Новгороду* (*купъомъ* — форма Д. мн. «купцам»). Трудно сказать, с каким уровнем ганзейские канцеляристы сопоставляли этого коллективного адресата — с немецкой купеческой общиной в Новгороде или с Ганзой целиком. В любом случае перенос ганзейской формулы на русского партнера подтверждает немецкое авторство обеих версий письма.

Наконец, несколько иной вариант представлен в двух случаях в конце письма:

<i>wante vnse copman vorleet sik vp God vnde de kruekussinge vnde voor tho juw. Doet wol vnde latet ene vrij varen aff vnde tho, wante de gantze copman der sake vnschuldich is</i>	(в древнерусском первая часть отсутствует) занъда мы вси купъци в томъ орудъни ни виновати
---	--

Немецкое письмо в первой части этого пассажа (отсутствующей в русском варианте) упоминает ту же группу пострадавших купцов и, как и в предыдущих случаях, реализует согласование в единственном числе (глагол *vorleet sik* ‘положился’ и далее в анафорическом *ene* ‘его’). Ссылка на договоры и на Бога, на которых они полагались, приехав в Новгород (*vorleet sik vp God vnde de kruekussinge*), очевидно, должна подчеркивать добросовестность их намерений и подтверждать их невиновность.

Однако упомянутые договоры и правовые гарантии касаются всей общины Петрова двора и даже Ганзы (юридического контрагента договоров), и в следующем предложении за призывом к справедливости следует уже не требование дать захваченным купцам уехать, а напоминание об общем положении — праве немцев свободно приезжать и уезжать (*vrij varen aff vnde tho*). Поэтому, когда далее говорится уже о *de gantze copman* (в сочетании с *gantze* ‘весь’, глагол в сингулярисе *vnschuldich is* ‘не виноват’), это можно понимать как отсылку к ганзейскому купечеству в целом, ганзейской стороне, соблюдающей соглашения и ни в чем не виноватой перед Новгородом. В этом контексте действующего ганзейско-новгородского договора ревельские власти вряд ли пишут с позиции общины, находящейся в Новгороде, а скорее выступают от имени ганзейской стороны в целом.

Соответствующее такому прочтению немецкого контекста грамматическое согласование в единственном числе отсутствует в рус-

ской версии, которая имеет *мы вси купъци ... ни виновати*. Нельзя не заметить, что этот способ выражения имеет, в отличие от немецкого варианта, неформульный характер, в нем утрачивается коллективный смысл немецкой формулы, а значит фактически теряется важная ссылка на авторитет и права Ганзы.

Как видим, во всех шести случаях в немецкой версии употреблены формулы коллективного названия — купеческой общины Петрова двора в Новгороде, ганзейской стороны в целом и даже новгородского купечества, и эта коллективная семантика поддержана согласованием в единственном числе. Примечательно, что во всех случаях им соответствуют древнерусские формы плюралиса. Последовательное оформление семантики коллективности в немецком тексте, в том числе даже в обозначении новгородского купечества, регулярно соответствует множественному числу у составителя русского текста.

Первичность немецкого текста обнаруживается и в употреблении понятия «братья». Ситуация с этим словом, по существу, зеркальна только что описанной. В древнерусском языке лексема *братъ* не имела регулярной формы множественного числа — ее роль выполняло собирательное *братия* (например: *взяти товаръ своей браты*, Нибуров мир 1392 г. и др.²⁹) В средненижненемецком аналог такому употреблению отсутствовал (собирательное *broderschop* имело лишь значение «цех; гильдия; братство, в т.ч. церковная корпорация; собрание такого объединения»)³⁰, в связи с чем немецкие переводчики последовательно передают древнерусское *братия* формой множественного числа *brodere* «братья»³¹. Но в русском тексте грамоты 1425 г. соответствием этой плюральной словоформы выступает не собирательное *братия*, а форма ед. числа *брате* в новгородском диалектном оформлении (о чём см. ниже):

<i>juwen broderen schach in der zee vtme juwe brodere</i>	ваш брате побите на море про ваше брате
---	--

Можно думать, что немецкий переводчик знал об отсутствии у русского *братъ* регулярных форм плюралиса, но с собирательным *братия* знаком не был; вместо него он употребил форму единственного числа *брате*, полагая что она, подобно немецкому *коптан*, может выражать и семантику коллективности. Иначе говоря, вместо того, чтобы использовать аутентичное русское коллективное обозначение, переводчик *ad hoc* сконструировал его по модели, свойственной его родному языку. Вторичность древнерусского текста послания проявляется в этом чрезвычайно ярко.

Немецкая инновация, перенесенная в русский, обнаруживается и в передаче другого группового обозначения русских же партнеров — обращения «соседи наши», — но не в плане коллективной или плюральной семантики, а в лексической сочетаемости. Обращение *соусъди наши* происходит из древнерусского формуляра и регулярно встречалось ганзейцам в письмах из Новгорода (например, в послании новгородских властей совету Ревеля 1441 г.)³². При переводе этих писем на средненижненемецкий язык ганзейские писари сохраняли формулу, но всегда в видоизмененной форме. Немецкие переводы никогда не ограничиваются сочетанием слова «соседи» с притяжательным местоимением, а прибавляют третий член, прилагательное *gude* ‘хорошие, добрые’ или *leve* ‘любезные, милые’, приспособливая русскую формулу к немецкому чину грамоты-письма, в котором различные обращения имеют прилагательное (*leven vrunde* ‘милые друзья’, *ersamen heren* ‘досточтимые господа’). Такие формы обращения с прилагательным — трехчленные *unse guden/leven nabers* ‘наши добрые/милые соседи’ и с опущенным местоимением *leven nabers* ‘милые соседи’, — характеризуют традицию передачи русских формул в немецких переводах ганзейцев. Как признак письма, составленного в немецкой канцелярии, эта особенность проявляется и тогда, когда немецкие писари составляют письма по-русски. В публикуемом здесь письме в средненижненемецком варианте употреблено именно это — древнерусское по происхождению, но измененное по немецкому образцу — трехчленное обращение *vnsen leuen nabeeren*. В русской версии сохраняется эта трехчленная структура с прилагательным: *нашимъ добрымъ сусъдомъ*. Это в очередной раз подтверждает, что не только немецкая, но и русская версия письма составлена немецкой стороной.

Таким образом, весь материал, иллюстрирующий передачу формульных обозначений участников данного дискурса — немецкой купеческой общины/Ганзы, русской стороны братия/«братья», обращений «соседи наши» — указывает на первичность немецкого текста по отношению к русскому.

Текстологическое сопоставление русского и немецкого вариантов также позволяет выделить ряд расхождений. В русском тексте имеются некоторые сокращения, не объясняющиеся, с нашей точки зрения, содержательной переработкой или пропусками по невнимательности, но отражающие трудности перевода формульных мест в тех случаях, когда различия культурного фона представляют особенно серьезное препятствие. Так, непереведенным осталось выражение *vnde alles medewetendes*; далее в конце послания — похожее сокращение: вместо *vnschuldich is rades vnde dades, myt werken edder mit wor-*

den просто сказано *ни виновати ни дѣлом, ни словом*. Переводчик по какой-то причине счел вполне достаточным стереотипное упоминание о невиновности «ни делом, ни думою (помышлением)». О первичности немецкого текста в данном случае говорит распространенность данного выражения в средненижненемецком при отсутствии аналога той же стилистики в древнерусском. Немецкая парная формула *rades vnde dades* встречается в многочисленных текстах, причем достаточно однородных по своему жанрово-стилистическому характеру: это тексты права, начиная с «Саксонского зерцала» и заканчивая грамотами, написанными как около 1425 г., так и гораздо позднее в различных регионах Германии. В средненижненемецком словаре Шиллера — Люббена приводится полностью фраза *rades unde dades vnschuldich* в контекстах начиная с 1318 г. и характеризуется как частотная формула, принадлежащая языку грамот³³. В целом можно утверждать, что рассматриваемое выражение упомчилось как правовая формула задолго до создания письма 1425 г. и продолжала употребляться впоследствии в той же функции — в правовом контексте отрицания вины в совершении преступления (проступка)³⁴.

Наличие вариативности у соответствующей фразы в русской версии письма (ср. *ни виновати ни дѣлом, ни словом и тое же дѣло не дѣлом ни думою ни виновати*) может означать, что формула исключена и в древнерусском. Однако поиски не обнаружили ни одного случая употребления фразы типа «ни словом, ни делом» в грамотах в юридической формуле отрицания вины, кроме данного письма. Есть, правда, похожая формула, восходящая к ранним патристическим контекстам и распространившаяся в составе христианской молитвы покаяния. Она стала основой для многочисленных современных русских фразеологизмов. Однако в ней идет речь о грехе в христианском понимании, который признается (а не отрицается), и в дальнейшем его семантика, как свидетельствуют многочисленные фразеологические словари, остается в сфере морали, тогда как юридическое функционирование подобной лексической фигуры наблюдается только в контексте исследуемого письма XV в. Иными словами, юридический смысл и правовую функцию древнерусская фраза имеет в тех случаях, когда она соседствует с немецкой (в нашем случае — в параллельном переводе).

Для решения проблемы также важно, что в форме покаянной молитвы фраза «ни словом, ни делом» известна и в западной христианской традиции (у католиков в латинском варианте *quia peccavi nimis cogitatione, verbo et opere* ‘что я согрешил много мыслью, словом и делом’ она сохранилась до нашего времени). Таким образом, данное сочетание должно было быть известно и ганзейцам, и их новго-

родским партнерам в составе покаянной молитвы, в том числе в различных расширенных вариантах (ср. синем. *vnde alles medewetendes* и *myt werken edder mit worden* в контекстах анализируемого письма). Что же касается омонимичной юридической формулы (известной уже у англосаксов в качестве устной формулы-клятвы невиновности, произносимой в суде)³⁵, тоже в конечном счете восходящей к патристическому христианскому контексту, то она документируется с древности в германском мире, но не зафиксирована в древнерусском языке. В создавшейся асимметричной ситуации, относящейся к тому же к сфере важнейших культурных представлений обеих сторон, немец-переводчик оказывался в сложном, даже щекотливом положении. Сознавая родственность русской молитвенной и немецкой юридической формул, он прибег к использованию структурно подобного выражения, несмотря на его неполное функциональное соответствие немецкому. О мотивах, лежащих в основе такого переводческого решения, можно только догадываться, но факт перевода налицо. Возможно, возобладало желание найти структурно подобный вариант, а различие в функции между молитвенной и судебной формулами не казалось столь уж большим. Фактически в данном международном контексте христианская клятва в невиновности вполне органична. Однако, как мы видели, причиной ее появления в письмах было наличие юридической формулы в немецком.

Эта формула, употребленная немцами, служит, по-видимому, «свернутой» ссылкой на реально имевшую место сцену публичного разбирательства, в котором ганзейская сторона произнесла эту клятву, призванную (по ганзейской судебной процедуре) привести к ее оправданию³⁶.

В предложении *dat kennet, dat gi dat don tegen God vnde recht vnde de krucekussinge; dat kennet God* опущенным в русском переводе оказывается словосочетание *tegen God* (дословно: «против Бога», т.е. против Божьей воли). Скорее всего, это случайный пропуск переводчика, и мы имеем дело с еще одним чисто текстологическим свидетельством вторичности русского текста³⁷. Наиболее показательным представляется отсутствие передачи в русском тексте фразы *wante vnse sorta(n) vorleet sik vp God vnde de krucekussinge vnde voor tho juw*. Объясняться это может своеобразной гаплографией — если этот термин применим к переводу, а не только к переписке текста: в трех фразах подряд речь идет о купцах в очень близких контекстах, и центральная фраза оказалась выпущенной. В таком случае, мы имеем практически бесспорное доказательство вторичности русского текста.

Если в немецком тексте власти Ревеля обращаются в одном предложении к архиепископу, посадникам, тысяцким и всему Великому

Новгороду, то в русском обращение к владыке вынесено в отдельное предложение. Очевидно, это связано с особыми правами новгородского архиепископа и той выдающейся ролью, которую он сыграл в разрешении этого конфликта. Речь идет о посреднических функциях, которыми традиционно обладали новгородские владыки в политической системе Новгородской республики, и о его долге как христианского пастыря «печаловаться» за преследуемых, в том числе за задержанных купцов. Об этом хорошо знали в Ливонии³⁸.

Детальное рассмотрение истории этого кризиса в новгородско-ганзейских отношениях, которое, безусловно, необходимо, выходит за рамки данной работы, однако на вопросе о роли в его разрешении архиепископа, — немаловажном для оценки разнотечений между двумя текстами, стоит остановиться подробнее. Н.А. Казакова предположила, что «решающее значение» имело в этом не заступничество новгородского владыки, а другие факторы: отсутствие у Новгорода достаточных сил, чтобы противостоять Ганзе; убытки, которые он нес из-за прекращения торговли; форс-мажорное обстоятельство — страшное моровое поветрие, поразившее Новгород³⁹.

Все это, вероятно, сыграло свою роль, но источники однозначно объясняют примирение заступничеством архиепископа Евфимия. Прямые указания на это содержатся в ряде ганзейских документов, причем, в том числе во внутрганзейской переписке, т.е. там, где не требовалось ни в коей мере искажать реальность и льстить могущественному новгородскому вельможе. Еще в июле 1425 г. немецкие купцы в Новгороде писали в Дерпт, что новгородцы пытались учинить над ними расправу: «...прибегали на двор, как бешеные собаки, словно бы одни [из них] хотели нас сварить, а другие — поджарить»⁴⁰. И далее они отмечают: «Это бы с нами, несомненно, произошло, если бы добрые люди об этом не позаботились, особенно епископ, который так долго молил за нас, что в результате он претерпевал большие тяготы из-за своего заступничества и из-за того, что он не хотел давать согласия на это»⁴¹. Новгородский архиепископ, таким образом, был готов ради помоши немецким купцам рискнуть своей популярностью у новгородцев. В инструкции, данной властями Дерпта своему послу фан Мегену, отправлявшемуся в Новгород в декабре 1425 г., ему поручалось по всем спорным вопросам говорить, в первую очередь, именно с архиепископом⁴².

После того, как конфликт был улажен, власти Дерпта в послании в Любек отмечали, что немецкие купцы были освобождены и смогли уехать из Новгорода со своим товаром только «с помощью великих просьб, трудов и наставлений епископа Новгорода»⁴³. В одном из посланий новгородской Конторы в Дерпт говорится даже,

что владыке пришлось дать «благословение и бить челом (!) новгородцам (*syne zegenyng unde hovedslaende den Nougarders*) за немецких купцов, чтобы они предоставили нам свободный [выезд] из Новгорода с нашим товаром, который мы закупили, и чтобы другой товар мы могли распродать, и чтобы у нас был безопасный путь с нашим товаром»⁴⁴. В другом послании уточняется, что «епископ бил челом посаднику, тысячкому и всему Великому Новгороду»⁴⁵. Поэтому особое обращение к новгородскому владыке, идеально соответствующее той роли, которую он играл в разрешении конфликта, вероятнее всего, следует считать сознательным стремлением подчеркнуть его особый статус. Известно, что незадолго до этого, в 1417 г., ливонские города вели отдельную переписку с новгородцами и отдельную с архиепископом Симеоном: пытаясь спасти зашедшие в тупик переговоры о возобновлении отношений, они обратились к нему за помощью, прося благословить новгородцев на заключение договора⁴⁶. Тому обстоятельству, что в русском тексте новгородский владыка назван, в отличие от немецкого, не архиепископом, а просто епископом («бискупом»), не стоит придавать большого значения: в документах, связанных с деятельностью ганзейской конторы в Новгороде, такая вариативность была обычным явлением.

В русском тексте отчетливее проведена мысль о невиновности в произошедшем именно жителей Ревеля, которые отождествляются с «купцами»: *занъда мы вси купцы в томъ оруды ни виноват(i) ни дѣлом, ни словом* (в немецком тексте говорится лишь, что не виновато «все купечество»). Как мы видели выше, новгородцы обвиняли жителей Ревеля как минимум в потворстве грабителям. Поэтому акцентирование в послании из Ревеля в Новгород собственной невиновности представляется вполне логичным. На непричастности к преступлению ганзейских купцов в целом постоянно настаивали в переписке партнеры новгородцев в ходе конфликта (пытаясь, в частности, свалить вину на Орден). С другой стороны, получилась некоторая неловкость: по буквальному смыслу русского текста, получается так, что «все колыванцы», от имени которых написано послание, — это исключительно купцы. Теоретически, это возможно (как известно, определения типа «все» в Средние века и Раннее Новое время могли характеризовать не только не все абсолютно население, но на практике относиться только к отдельным его группам), однако в данном случае, скорее, это следствие не вполне неудачного редактирования. Понятно, что среди тех в Ревеле, кого подозревали новгородцы в соучастии в преступлении, вряд ли могли быть исключительно купцы!

Сложнее объяснить, почему при переводе было исключено упоминание об отправке в Новгород посла, которому было предписано

вести переговоры. Возможно следующее объяснение. Фрагменту немецкого текста *Dat scriuen wij juw bij der crucekussinge. Vnde wi senden tho juw unsen boden myt desseme breue vnde mit unseme houedslaende. Gheuet ete eyn antworde...* соответствует следующий фрагмент русского: *То пишемъ вам по хрестному целованью, занъда купыци надъалиса на Богъ и на хрестное целованье, наши купыци ехали к вамъ*. Содержание их разное, и надо признать, что в отличие от кристально ясного, связного и логичного немецкого варианта, русский текст понятен не вполне. В переводе на современный язык он выглядит примерно так: «Это мы вам пишем в соответствии с крестоцелованием, так как купцы надеялись на Бога и на крестоцелование, наши купцы поехали к вам». Какие купцы отправились в Новгород, когда и зачем? А главное, как немецкие купцы могли ездить в Новгород в марте 1425 г. в условиях установленной тогда Ганзой торговой блокады русского города? Но если мы вспомним о «пропавшей» фразе немецкого текста, о которой говорилось выше (*wante vnse corman vorleet sik vp God vnde de kruckussinge vnde voor tho juw*), мы увидим, что русская фраза «занъда купыци надъалиса на Богъ и на хр(ес)тное целованье, наши купыци ехали к вамъ» является ее ближайшим содержательным соответствием. Отличия явно вызваны искажениями, которым русская фраза подверглась при записи. Пропустив сначала местоимение *наши*, писец еще раз написал *наши купыци*, вставив это сочетание на место, где, по логике вещей, должен располагаться союз *и*. Исходный вид фразы восстанавливается следующим: *занъда *наши купыци надъалиса на Богъ и на хр(ес)тное целованье, *и ехали к вамъ* ‘так как наши купцы полагались на Бога и крестное целование и поехали к вам’, что в точности соответствует немецкому тексту. Сходная судьба постигла и фразу в целом: она была пропущена и вставлена не на свое место, в результате чего утратила смысл (в оригинальном тексте имелось в виду, что немцы доверяли ранее новгородцам, возлагая надежды на заключенные с ними с помощью крестоцелования договоры и, разумеется, на Божью милость). По этой ли причине выпало упоминание посольства или это была сознательная правка, обусловленная тем, что эта задача была отложена до отправки ливонскими городами «больших послов», сказать непросто. Одно не исключает возможности другого. Текстологическое же соотношение двух вариантов выясняется достаточно определенно. Более того, характер деформации, которой подвергся древнерусский текст, позволяет думать, что в Ревель была отправлена копия сделанного в Дерпте перевода. Дефектность этой копии вполне могла стать причиной того, что она не была отправлена в Новгород и осела в Ревельском архиве.

Весьма любопытна (и даже удивительна) разница *appreciationes* двух вариантов послания. В немецком тексте фигурирует Святая Троица: *bliuet gezund in de[r] hilligen Dreueldicheid*. Однако в русском варианте в этом месте появляется привычная святая София. В последнее время в целом сложился научный консенсус, в соответствии с которым имя Софии Премудрости Божьей прилагалось ко второй ипостаси Троицы, Сыну Божию, т.е. Христу. Таким же образом следует интерпретировать и посвящение Софийского собора в Новгороде и популярный в Новгороде иконографический образ Софии — огненного ангела. Высказываются также достаточно убедительные соображения, что в новгородских письменных источниках под святой Софией могли также в ряде случаев пониматься сам храм святой Софии в качестве палладиума Новгорода и местная церковь как мистическое Тело Христово и сообщество верующих⁴⁷. Здесь, однако, мы видим, что в адресованном новгородцам русском тексте «Святая Троица» переведена как «Святая София». Конечно, это можно в принципе объяснить какими-то случайными обстоятельствами, но очевидных причин для такой случайности вроде бы не отыскивается. Упоминание Троицы отнюдь не типично для ганзейских благопожелательных формул того времени. Теоретически возможен вариант, что немецкие переводчики спутали новгородскую Софию с псковской Троицей. Однако переписка с Псковом ганзейских городов — это капля в море по сравнению с новгородско-ганзейскими документами. Для 20-х годов XV в. послания из Ревеля в Псков вообще неизвестны (хотя отношения с Псковом поддерживались, и во время обострения отношений с Новгородом в 1425 г. ливонские города обсуждали вопрос о договоре с Псковом⁴⁸). Но самое главное, что имеется еще один пример отождествления Софии с Троицей на почве русского Северо-Запада.

В Стишном Прологе библиотеки Папского восточного института в Риме, рукопись которого была создана в начале XVI в. в Пскове или Новгороде (!), есть текст молитвы, начинающейся так: «Слава в вышних Богу и на земли миръ в человециъ бл[а]говоление, хвалим тя, бл[а]гословим тя, кланяем ти ся, славословивим тя [sic!] тя, благодарим тя, великия ради сл[а]вы твоей, святыи Софиꙗ премудрость Божья...»⁴⁹. Это не что иное, как видоизмененное Великое славословие, в котором там, где в молитве из Стишного Пролога стоит «святыи Софиꙗ премудрость Божья», поется, как известно, «Господи, Царю Небесный, Боже, Отче Вседержителю, Господи Сыне Единородный, Иисусе Христе, и Святый Дух». Иными словами, славословие «Софиею» заменяет обычное славословие Троице. Это прямое доказательство того, что, по крайней мере, в обыденном сознании

новгородцев Святая София могла восприниматься как некий аналог Святой Троицы. Это восприятие, разумеется, могло стать известным немцам, тесно контактировавшим с новгородцами, и спровоцировать такой своеобразный «перевод» благопожелательной формулы.

С другой стороны, ганзейцы могли в каких-то случаях избегать дословной передачи с именованием св. Софии, так как почитаемая в Германии святая с этим именем (восходящая к св. Софии Римской, христианской мученице, преследованвшейся в 303—304 г. и поминаемой 15 мая) не идентична св. Софии, матери Веры, Надежды и Любви (жившей во II веке, день памяти 17 сентября по юлианскому календарю), и не годилась для перевода. В агиографических традициях оба культа нередко смешиваются, однако немцы могли ощущать несоответствие новгородской ссылки на Софию знакомому им на родине культу святой, моши которой были привезены епископом Страсбургским Ремигием ок. 770 г. и который, кстати, связывается с датой весенних заморозков и потому очень актуален в народной среде. Важно также, что Карл Великий перенес реликвии святой в Минден в Вестфалии, где ее кult высоко почитался, и таким образом и на территории Ганзы имелись места, связанные с этой «немецкой» св. Софией. Ганзейцы, среди которых в Новгороде в разное время находились и вестфальцы, могли знать об этом противоречии и ради его устранения принять в качестве немецкого эквивалента новгородского упоминания одноименной святой ссылку на св. Троицу, которая представлялась им подходящей в общем религиозном контексте, о котором сказано выше. Со временем переводческая находка могла закрепиться, что позволяло ганзейским писарям пользоваться этим русско-немецким соответствием при переводе в обоих направлениях. Впрочем, в упомянутом выше сентябрьском послании 1425 г. в *apprecatio* закономерно фигурирует уже св. София (*Unde ziid Gode bevolen unde der hillgen sunte Sophyen⁵⁰*), как и в послании Дерпта в Новгород 1439 г. (*Hirmede blivet Gode bevolen unde der hilghen Sophyen⁵¹*).

Содержательное сопоставление средненижненемецкого и русского текстов послания также показывает, что некоторые изменения носили осмысленный характер и вносились в русский текст именно при переводе с немецкого, предоставляя весьма ценную историческую информацию.

Вторичность древнерусского текста грамоты проявляется и в языке. Лингвистический анализ документа показывает также, что дерптский переводчик не был природным носителем русского языка. С ярким лексическим свидетельством этого мы встречаемся уже в инскрипции послания: новгородский владыка назван в ней *архибискупом*. Эта форма титула, из других источников, как кажется, не-

известная, представляет собой явный гибрид форм *архиепискупъ* и *арцибискупъ*, из которых первая в оригинальных восточнославянских текстах прилагается к православным иерархам, а вторая — к католическим (особенно показателен в этом отношении материал полоцких грамот, в которых встречаются оба термина).

На других языковых уровнях приметы работы иностранного писца не столь заметны, но при ближайшем рассмотрении также обнаруживаются. Уверенный и беглый почерк выдает руку, вполне привычную к славянскому письму. Характерна интерпункция документа: разделительные точки почти всегда ставятся между фонетическими словами. Из новгородских документов этого времени такую постановку точек (впрочем, менее последовательную) демонстрирует, например, список убытков новгородцев 1412 г. из Рижского городского архива⁵². В то же время с некоторыми конвенциями русского письма переводчик был слабо знаком. Слово *Богъ* он пять раз пишет, не сокращая, при этом один раз ставит над ним ненужное при полной записи титло, причем с выносным *с*. Такое же «слово-титло» стоит и над словом ‘святому’ в начале грамоты, написанным сокращенно. По-видимому, обычного титла писавший просто не знал. Впрочем, примеры таких некорректных сокращений можно найти и у русских писцов.

Вместо буквы *ы*, встретившейся в тексте 23 раза, писец один раз употребил *ѣ* (*вѣ* ‘вы’) и один раз *и* (*владице*)⁵³. Такие замены встречаются, хотя и нечасто, в берестяных и пергаменных грамотах, так что видеть в них свидетельство работы нерусского писца не следует. Тем более не являются таковым элементарные описки *посадыньков* и *дол(о)m* [вместо *дѣл(о)m*]. В целом степень графической правильности текста довольно высока. Как ошибку против графики можно было бы трактовать написание *с(в)лътъму*, но оно с большей вероятностью может быть трактовано как гиперкоррекция: появление *ъ* вместо *о* в окончании *Д*, ед. муж. членного прилагательного писца могло быть спровоцировано соотношением разговорной и книжной флексий в Д. ед. жен.: *святои / святыи*. Аномально и написание *люше* вместо *лише* во фразе: *Люше того, вы нашихъ купецъ принал(и) и съ ихъ товаромъ*. Скорее всего, и это не простая описка, а результат смешения древнерусских слов *лише* ‘кроме’ и *люче* (компаратив от *лотъши* ‘хуже’); ср. употребление последнего в берестяной грамоте № 699, последней четверти XIV в.: *А того люче: Василеи пограбиле замлю со своимо изореникомо ‘А еще того хуже — Василий со своим изорником землю пограбил’*⁵⁴.

В синтаксисе неисконного носителя языка выдает смешение частиц *не* и *ни*: *тое же дѣло не дол(о)m ни думою ни виновати, занѣда мы вси купцы в томъ оруды ни виноват(и) ни дѣлом, ни словом*. В первой фразе находим к тому же несвойственное древнерусскому язы-

ку управление винительным падежом у прилагательного *виноватъ*. Встретившись второй раз с той же немецкой конструкцией (*der sake vnschuldich*), переводчик откорректировал управление, параллельно заменив порождавшее тавтологию *дѣло* на синонимичное *орудье*; с частицами он, однако, не справился и здесь.

Не меньшее значение для характеристики языка перевода имеет совокупность фонетических и морфологических черт, релевантных для его диалектной локализации. Анализ грамоты с этой точки зрения обнаруживает существенные расхождения с новгородской деловой письменностью конца XIV — первой половины XV в., на фоне которой ее в первую очередь приходится рассматривать.

Начнем с отражения этимологического *ě. Буква *ъ* в основах последовательно употребляется в соответствии с этимологией под ударением (*льтось*, *дѣло*, *вѣдаемъ*, *доспѣласъ*, *вѣдали*, *хотѣли*, *дѣтьте*, *сусѣди*, *дѣломъ*, *надѣлълиса*), за исключением позиции после [j] в глаголе *ъхати* и его производных, трижды написанных с *е*: *приехати* и *оттѣхат(и)*, *ехали*. В безударной позиции *ě столь же последовательно отражен в виде *е*: *целованью* (2x) *целованъ*, *повестуем*, *повестовали*, *заветать*). В окончаниях на одну словоформу с *ъ* (*городъ*) приходятся две с *е* (*владице*, *на море*). Смешение *ъ* с *и* в основах отсутствует, а в окончаниях представлена только в форме прилагательного: *оу сватии <-ны> Софии*. Нет и примеров замены этимологического *е* на *ъ*. Описанная картина радикально отличается от представленной в новгородских пергаменных грамотах первой половины XV в. В последних *ъ* в основах или довольно последовательно сохраняется (за исключением слов *цѣловати*, *цѣлованье*, регулярно записываемых через *е*) или же смешивается с *и*; в окончаниях же *ъ* и *и* смешиваются весьма широко, тогда как замена *ъ* на *е* встречается редко.

Из других явлений в области вокализма грамота отражает переход [a] > [e] между мягкими согласными: *слышели*. Он, однако, не ограничивается северо-западом, но имеет более широкое распространение. Важно между тем отсутствие в грамоте случаев смешения *и* и *ы* — во всех сохранившихся в подлинниках новгородских актах этого времени оно представлено широко. С неотражением цоканья связано и последовательное употребление союза ‘что’ в форме *што*. В новгородских берестяных грамотах этот вариант, возникший из *что* (<*чъто*>) путем диссимилияции согласных по способу образования, представлен лишь двумя примерами в грамотах № 311 и 352, не имеющих никаких признаков древненовгородского диалекта. Как наддиалектная, форма *што* неоднократно встречается в договорах Новгорода с князьями XIII—XV вв.⁵⁵ Однако в дипломатической переписке Новгорода с ганзейскими городами этот вариант отсутствует, употребляется только *что*.

В морфологии сразу бросается в глаза новгородское диалектное окончание *-e* в И. ед. твердого варианта *o*-склонения, соответствующее наддиалектному древнерусскому *-ъ*. Оно четырежды выступает во фразе *ващъ братъ побитъ на морѣ и товаръ поиманъ*. Местоимение *ващъ*, мягкой разновидности склонения, имеет при этом окончание *-b*, что отвечает распределению, восстановливаемому для древне-новгородского диалекта на материале берестяных грамот⁵⁶. Ср. совершенно такое же распределение флексий в приводимом А.А. Зализняком примере из грамоты Новгорода Ревелю 1441 г.: *нашъ братъ новгородечъ Петре*⁵⁷. Однако при ближайшем рассмотрении употребление данной флексии выдает затруднения переводчика. С одной стороны, как уже было сказано, единственному числу русского текста в средненижненемецком соответствует плюралис *juwen brodere(n)*, правильной передачей которого было бы собирательное *наша братъя*. С другой стороны, диалектную флексию И. ед. *-e* переводчик незаконно распространил и на аккузатив (причем как существительного, так и местоимения *нашъ*, не имевшего этой флексии в номинативе)⁵⁸.

В остальных позициях именного склонения выступают стандартные наддиалектные окончания: Р. ед. *противъ правды*, М. ед. *въ томъ оруды*, И. ед. множ. *виновати, сусъди*; формы множ. числа перфекта на *-ли* (*слышели, повестовали* и др.). Во всех этих позициях в древне-новгородском господствовало окончание *-ль*, которое в берестяных и пергаменных грамотах выступает в тех или иных пропорциях с наддиалектными вариантами. При этом имеет место следующее соотношение: если в тексте есть окончание *-e* в И. ед., в нем обязательно будут и другие морфологические диалектизмы. При «коррекции» диалектной морфологии флексия *-e* в номинативе устранилась в первую очередь, тогда как окончание *-ль* в указанных позициях могло сохраняться⁵⁹. В нашей грамоте соотношение является обратным, что делает ее исключением из правила.

В местоименном склонении характерны адъективные окончания прямых падежей местоимения *тотъ* (*про тую обиду, тое же дѣло*). В атрибутивной позиции на эти два примера приходится один с исконным окончанием: *та обида* (в субстантивном употреблении выступает только исконная форма *то*). В новгородских берестяных грамотах подобные формы отсутствуют — в них встречаются только исконные *та, ту, то*. В пергаменных и бумажных грамотах Новгорода явление фиксируется лишь с середины XV в. (*туль лодью* в грамоте Новгорода Ревелю 1441 г.)⁶⁰. На этом фоне употребление нашей грамоты, отражающее уже продвинутую стадию процесса, выглядит опережающим его хронологию в Новгороде. Еще более неновгородский характер имеет двусложное окончание Р. ед. жен. *безо вслакое*

хитости. Оно вообще не свойственно деловой письменности Новгорода XIV—XV вв., знающей только односложную флексию *-ou/-eu*.

В адъективном склонении, помимо инновационной, нонейтральной в диалектном отношении формы И. мн. муж. на *-ыи* (*милыи суседи*) и гиперкорректного *с(в.а)тьму* в Д. ед. муж., находим новгородскую диалектную флексию *-лы* в Р. ед. жен, с фонетической заменой *ль* на *и*: *оу С(в.а)тии <святыни> Софии*. То, что этот двойной новгородизм выступает в заключительной формуле грамоты, безусловно, неслучайно. Сочетание ‘у Святой Софии’ последовательно оформляется в новгородских текстах рассматриваемого периода при помощи окончания *-лы* (например, в младшем изводе Новгородской первой летописи). Можно думать, что ни это окончание, ни переход *ль* в и русскому языку писца свойственны не были: он просто записал формулу так, как ее произносили новгородцы.

Как видно из всего сказанного, новгородские черты в фонетике и морфологии послания 1425 г. сводятся к окончанию *-e* в И. ед. твердого варианта *o*-склонения и окончанию *-лы* в Р. ед. ж. адъективного склонения (с заменой *ль* на *и*). При этом первое по ошибке употреблено также в винительном падеже, а второе выступает в составе готовой формулы. Основа же языка грамоты — совершенно не новгородская. Ее характеризуют такие признаки, как систематическая замена *ль* на *e* в безударном положении, отсутствие смешения *ц* и *ч*, диссимилияция *что > што*, «стандартные» древнерусские окончания *-ы, -и* в именном склонении в соответствии с новгородским *-ль*, формы местоимений *тую, тое* с адъективными флексиями, двусложное окончание *-oe* в Р. ед. ж. местоименного склонения.

Где же, если не в Новгороде и Пскове, дерптский переводчик приобрел базовое знание русского языка? Из других партнеров Ганзы в торговле с Русью подозрение в первую очередь падает на Полоцк. И действительно, в языке полоцких грамот первой половины XV в. мы находим практически все названные черты, причем проведенные систематически. В частности, смешение *ц* и *ч*, которое несомненно было свойственно древнему полоцкому диалекту и часто встречается в полоцких грамотах XIV в., в XV в. почти полностью исчезает из местного канцелярского языка. Только в соотношении *ль* и *e* наш текст отступает от типичного для Полоцка употребления. По данным Хр. Станга, в большинстве полоцких грамот XV в. эти графемы смешиваются независимо от места ударения⁶¹. Систематическая замена *ль* на *e* только в безударной позиции зафиксирована исследователем лишь в 5 из 34 документов, смешивающих эти графемы. Между тем, как отмечает Хр. Станг, это распределение широко представлено в грамотах литовской великорусской

канцелярии⁶². Еще одна фонетическая черта, различающие эти две разновидности делового языка Юго-Западной Руси, — это трактовка этимологических *гы*, *кы*, *хы*, которые в полоцких грамотах XV в. часто сохраняются в своем исконном, непалатализованном виде, тогда как в грамотах литовской велиокняжеской канцелярии представлены почти исключительно новые сочетания *ги*, *ки*, *хи*⁶³. В публикуемой грамоте также выступают только они. Поскольку языку литовской велиокняжеской канцелярии свойственны и все перечисленные признаки, объединяющие ревельскую грамоту с полоцкими в противопоставлении новгородским документам, именно эта форма делового языка Великого княжества Литовского может быть отождествлена с основой русского языка переводчика. Где и от кого она могла быть усвоена — отдельный вопрос, который мы здесь не рассматриваем.

Юго-западное происхождение русской языковой компетенции переводчика грамоты способно, как кажется, объяснить и необычную форму *здоро́во* в составе ее клаузулы. Скорее, чем простую описку, в ней можно видеть своего рода «гиперполногласие», к изобретению которого писца могло подтолкнуть существование в канцелярском языке Юго-Западной Руси полногласного варианта *здрав-* и *полонизма здоров-*, встречающегося в полоцких грамотах с начала XV в. (первый раз — в грамоте 1405 г.: *здравье*)⁶⁴.

Выучившись русскому языку не в Новгороде, переводчик в то же время имел представление о специфике новгородского диалекта. Переводя адресованное в Новгород послание, он ввел в текст его главную морфологическую особенность — окончание *-е* в И. ед. твердого варианта *o-склонения*, а также употребил формулу *оу с(вя)тии <-ни>* Софии с новгородской флекссией (в полоцких документах то же сочетание оформляется иначе: *оу с(вя)тои Софъи* (№ 3, с. 60; *с(вя)тою Софии* № 187, № 212, надписи на печатях). В грамоте имеется и очень яркий синтаксический новгородизм — дважды употребленный причинный союз *занда*, который до сих пор был засвидетельствован только восемью примерами в шести новгородских и двух псковских текстах⁶⁵. При первом взгляде на грамоту именно эти черты бросаются в глаза, создавая впечатление работы новгородского писца, которое при углубленном анализе оказывается ложным.

Гетерогенность древнерусского языка грамоты находит выражение и в формуляре. Обращает на себя внимание, что в инскрипции послания беспредложные формы дательного падежа сменяются предложными: *С(вя)тъму владице архибискуп(у) Омельану и посаднику и къ тысацким и купъцомъ [= к купъцом]* и ко всему Великом(у) Новугороду, нашимъ добрымъ сусъдомъ добро здоровье. Сопоставление с

этой точки зрения новгородских и полоцких грамот показывает, что в первых полностью господствует предложная модель. См., например: *От великого князя намъстника Ондря, от посадника Ивана, от тысацкого Олисъя и от всего Новагорода к посадникамъ к любыцкимъ, и к ратманамъ, и ко всимъ лубцанамъ* (грамота Новгорода Любеку 1371 г.)⁶⁶; *Благословенье от архиепископа новгородчкого владычи Ивана, от посадника Ивана Александровича, от тысацкого Василья Есифовича, от всего Великого Новагорода к посадникамъ калыванскимъ, и к ратманамъ, и ко всимъ колыванчамъ* (грамота Новгорода Ревелю 1411 г.)⁶⁷; *От посадника Ивана Александровича, от тысацкого Онаны Костянтиновича и от всего Великого Новагорода кумендерю, и к посадникамъ, и к ратманамъ колыванскимъ* (грамота Новгорода Ревелю 1417 г.)⁶⁸. Для полоцких же грамот с данного типа инскрипцией характерно, напротив, отсутствие предлога: *Сът пана Немира намесника, приятелемъ нашимъ судьямъ ризькимъ и ратманомъ поклонъ и верное приятельство* (послание в Ригу 1411—1422 гг.)⁶⁹; *Сът намъсник(a) полочког(o) и от всех муж полочан от мал(a) и до велик(a) поклон всем ратманом болшим и всем местицем рижаном малу и велику* (послание в Ригу 1439 г.)⁷⁰; + *Бл(a)г(o)с(ло)в(e)ниe Семиона, вл(a)д(ы)кы полотского, о С(ва)т(e)мъ Д(y)сь възлюбленным приятелемъ нашимъ ратманомъ ризьким* (послание в Ригу архиеп. Симеона II, 1440—1446)⁷¹. По-видимому, переводчик ревельской грамоты начал писать, следуя более привычной для него полоцкой модели, но затем переключился на новгородскую, причем резко — граница проходит посередине образующего тесную пару упоминания посадников и тысацких.

Несмотря на допущенные ошибки, выдающие в нем иностранца, переводчик в целом неплохо справился со своей задачей. Уровень его владения древнерусским языком можно по достоинству оценить, сопоставив грамоту с другим столь же редким образцом «русского как иностранного», представленным в корпусе полоцких грамот. Мы имеем в виду черновой проект торгового договора между Полоцком и Ригой 1405 г., составленный в Риге⁷². В отличие от публикуемой грамоты, в которой отдельные ошибки выступают на фоне в целом грамотной древнерусской речи, этот документ изобилует грубейшими нарушениями языковых норм, делающими текст mestами вовсе лишенным грамматической связности. Приведем лишь один пример. Формульное сочетание, в новгородских актах имеющее вид *безо всяко хитрости* (Нибуров мир 1392 г., три употребления)⁷³, а в полоцких — *без всякое хитрости* (грамота 1414 г., № 65), переводчик дважды пишет по-полоцки (*безо всякое хитрости*), тогда как писец рижского проекта употребляет два разных, но одинаково аграмматичных варианта: *безъ въсако хитростъ* и *безъ въсако хитростъ*.

Этому соответствует и разница во внешнем облике письма: издали рижского документа отмечают в нем «неумелое начертание букв (фактически они не написаны, а нарисованы)»⁷⁴; между тем, как уже было сказано, ревельская грамота написана уверенным беглым полууставом. Еще одной особенностью рижского документа, отличающей его от собственно полоцких грамот, является интенсивное смешение букв *ц* и *ч*, *з* и *ж*, *с* и *ш*, позволяющее предполагать, что русскому языку писец учился в Новгороде или, скорее, во Пскове. В этом отношении ситуация симметрична той, которую отражает послание из Ревеля в Новгород 1425 г.

* * *

Какова была судьба мартовского послания ревельских властей в Новгород? Тот факт, что бракованный русский текст остался в ревельском архиве, не может свидетельствовать о том, что послание вообще не было отправлено: после обнаружения брака могла быть изготовлена исправная копия письма, которая и должна была отправиться в Новгород. В пользу того, что дело так и обстояло, говорит дальнейший ход событий, каким его описывают источники.

Около Пасхи (8 апреля) в Новгород прибыли послы от Ревеля и Дерпта⁷⁵. 27 апреля 1425 г. немецкие купцы из новгородской ганзейской Конторы писали в Ревель о своем бедственном положении и среди прочего отмечали, что в Новгороде был ревельский посол Хинрик Циммерман (Hinrik Symmerman), который привез письмо для них и должен был реализовать в Новгороде некое поручение (*werf*), данное ему в Ревеле. В рамках этого поручения Циммерман вел переговоры с «Новгородом», которые не принесли положительного результата⁷⁶. Более того, после этого новгородцы вызвали немецких купцов к церкви святого Иоанна и, сказав, что Новгород на них разгневался, угрожали посадить их в тюрьму⁷⁷. Точно такой же неудачей закончилась и миссия дерптского посла Хильбранда фан Мегена (вернулся в Дерпт 9 мая 1425 г.)⁷⁸.

Урегулирование конфликта было отложено до приезда в Новгород ганзейских «великих послов» (*grote boden*), которые должны были представлять три ливонских города: Ревель, Дерпт и Ригу. После согласования этого условия режим содержания немцев в Новгороде был несколько облегчен: ганзейские купцы были переданы на поруки старостам и приказчику Немецкого двора Хансу Липпе, «с позволением покупать еду и питье иходить с одного двора на другой, [но] дальше никуда неходить»⁷⁹.

Действительно, посольство, представлявшее Ригу, Ревель и Дерпт, прибыло в Новгород, о чем сообщали сами послы в своем послании

в Данциг от 1 сентября 1425 г.⁸⁰ С этим посольством была связана отправка еще одного послания в Новгород, сохранившегося только в средненижненемецком переводе. В нем говорится о том, что в Новгород были отправлены «достойнейшие» послы «от имени всех ганзейских городов». Это послание является развитием мартовского. Немцы по-прежнему отрицают всякую вину в том, что произошло с русскими купцами; требуют освобождения немецких купцов в Новгороде на основании оговоренного в новгородско-ганзейских договорах положения о том, что истец должен решать спорные дела непосредственно с ответчиком; заявляют, что если бы они знали, кем были грабители, они бы их сами схватили и «судили согласно крестоцелованию». Принципиально новый момент в этом послании — угроза Ганзы обратиться за поддержкой к «господам, князьям, всем добрым городам и первым делом Богу, чтобы Он осудил несправедливость», творимую новгородцами «против Божьего закона и крестоцелования»⁸¹. И действительно, Ганза искала поддержки у правителей соседних государств: великого князя Литовского Витовта и короля Дании Эрика VII⁸². В письме немецких купцов в Новгороде в Дерпте от 18 октября 1425 г. говорится, что они были освобождены благодаря сентябрьскому посланию ливонских городов новгородским властям и заступничеству новгородского архиепископа⁸³.

В свете изложенного кажется логичным предположить, что отредактированный и исправленный вариант русского текста мартовского послания, который не сохранился до наших дней, как и все остальные документы утраченного новгородского архива, — был доставлен в Новгород в начале апреля 1425 г. в связи с миссией ревельского посла Циммермана. Из написанного в Дерпте сопроводительного текста следует, что из Дерпта в Новгород было отправлено собственное послание, несколько видоизмененное по сравнению с ревельским: *Vnde wi hebben den Nougarders in desser zuluen wise ok gescreven, mer dat wi etwelke worde hebben vorandert...* Это послание в Новгород могло быть связано с посольством приехавшего в Новгород также весной 1425 г. дерптского представителя фан Мегена. Точно так же обстояло дело и позднее, в ходе дальнейших новгородско-ганзейских переговоров. 1 февраля 1426 г. Дерпт писал в Ревель по итогам миссии в Новгород того же фан Мегена, вновь представлявшего Дерпту⁸⁴, и Андреаса Смединга, представлявшего Ревель, и ответного новгородского посольства, чтобы ревельцы на предложения Новгорода «тоже таким же образом (как и дерпты. — Авторы) отвечали». Ответ ревельцев должен был быть согласован с дерптским, но, очевидно, подразумевалось, что он не должен был повторять его дословно⁸⁵.

Эти послания, как и изначальный ревельский проект, написанный на средненижненемецком, до наших дней, однако, не сохранились.

***

В публикуемых ниже средненижненемецком и древнерусском текстах послания 1425 г. выносные буквы вносятся в строку курсивом, опущенные в сокращениях — в круглых скобках; отмечаются концы строк. В древнерусском тексте сохраняются буквы «ѣ», «ѡ», «ѧ». Разбивка на слова, предложения и абзацы, расстановка знаков препинания выполнены публикаторами. В легенде приводятся сведения о месте хранения рукописей, описываются внешние признаки носителей текстов, воспроизводятся пометки на них. В подстрочных археографических примечаниях отмечаются особенности текста и необычные чтения.

[1425 г. март, первая половина. Ревель]. — Послание властей Ревеля властям Новгорода

Немецкий текст

TLA, f. 230, п. 1, с. BE 14 VIII, № 34 (olim RBA 491). Бумага (без филиграны), 22,4×30,1×22×29,9.

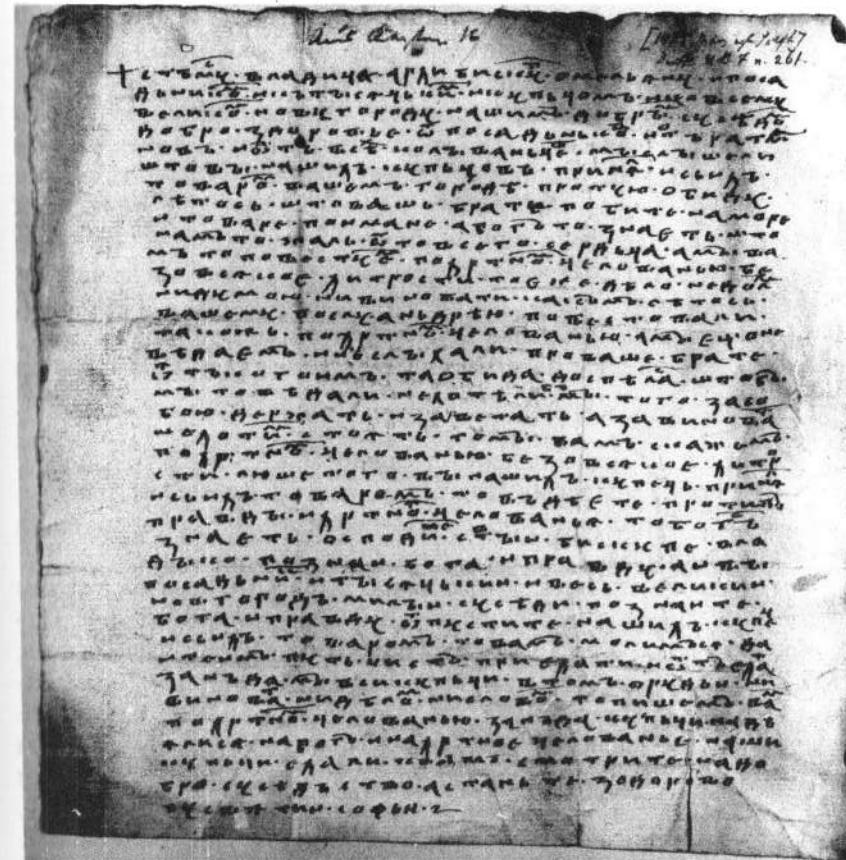
Под текстом послания сопроводительный текст: Leuen heren! Dit is vnse vorramy(n)ge vn(de) is hir bigebunden in Russch gescr(even). | Vn(de) wi hebbe(n) den Nougarders in desser zulue(n) wise ok gescr(even), mer dat | wi etwelke worde hebben vorandert v(m)me vordechtenisse wille(n). /Любезные господа! Это наш проект [послания], к которому прилагается [тот же текст] по-русски. А новгородцам мы написали так же, поменяли только некоторые слова, чтобы избежать подозрений./

На верхнем, левом (напротив сопроводительного текста) и нижнем полях пометки: 1) х НН. (пр. кридш., в правом верхнем углу); 2) ВЕ 14 (пр. кридш., на верхнем поле правее пом. 1); 3) 1421? (чрил., в правом верхнем углу; посл. цифра нрзб., предпол. проплена более темными чрил.; зачеркнуто пр. кридш.); 4) Сор. КК. (левее пом. 3, чрил.); 5) [1425 April Anfg.] (пр. кридш., поч. Г. Гильдебранда, ниже пом. 3 и 4; написано по стертому, ниже виднеются очертания написанной карандашом и стертоей даты 1424); 6) In Dorpat gemachter Entwurf (на левом поле напротив второй строки приписки); 7) s. Dorpat 1425 Mai 10. [Далее нрзб.] (пр. кридш., поч. Г. Гильдебранда, на нижнем поле); 8) 2 (пр. кридш., в правом нижнем углу, фолиация). В левом верхнем углу ниже пом. 1 печать с текстом: EX ARCHIVO | CIVITATIS REVALIENSIS. Такая же печать на обороте, в верхней части.

Публ.: LECUB. — Bd. VII, № 261. — S. 189—190; HR. — Abt. I. Bd. VII. — № 757 (послание в Новгород), № 758 (сопроводительный текст). — S. 511, 512.

Ред.: HUB. — Bd. VI. — S. 322, № 580.

Deme hillige(n) vader ertzbiscob Emelyan, den borg(er)mest(er)en, hertoge(n) vn(de) | deme copmann vnde al gemeene Grote Noug(arden), vnse(n) leue(n) nabeer(en), | entbede(n) de borg(er)mest(er)e, radmann(e) vn(de) meenheid der stad Reuele | vnse gesuntheid.

Послание властей Ревеля властям Новгорода. Первая половина марта 1425 г. (фотокопия конца XIX — начала XX в.).
TLA, f. 1465, s. 872.

Wij hebbe(n) gehord, dat gi vnse(n) copma(n) hebbe(n) vp|gehouden myt syme gude in juw(er) stad v(m)me den schade(n), de tho | zom(er)e juwen brodere(n) schach in der zee, dat ze geslage(n) worde(n) vn(de) | ere gud genome(n) ward. Dat kenne God, dat vns dat leet is va(n) | al vnseme herten. Vn(de) wi zegge(n) juw bij der kruekussinge vn(de) | sunder behendicheid, dat wij der sake rades, dades vn(de) alles mede|wetendes vnschuldich sin, also wi dat ok juwe(m) bode(n) Andree tho | zom(er)e zegeden bij der kruekussing(e), vn(de) wi noch nicht weten, | noch gehord hebbe(n) v(m) me juwe brod(er)e, we en den schade(n) gedan heuet. | Vn(de) wuste(n) wij, des en wolde(n) wij nicht acht(er) vns holde(n), noch vor|swigen, vn(de) vor de schulde(n) en wolde(n) wij nicht staen. Dat zegge(n) | wi juw bi

der kruckussinge sund(er) alle behendicheid. Hir enbouen | so hebbe(n) gi vnse(n) copma(n) geholde(n) myt syme gude. Dat kennet, dat | gi dat don tegen God vn(de) recht vnde de kruckussinge; dat kennet¹ | God. Hillige vader ertzbiscob vnde gi, borg(er)mest(er)e, hertogen vnde | gemene Grote Nougarde(n), kennet Got vnde recht vnde latet vnsen | copma(n) vrij vare(n) mit syme gude, wante vnse copma(n) vorleet sik vp | God vnde de kruckussinge vnde voor tho juw. Doet wol vn(de) latet | ene vrij varen aff vnde tho, wante de gantze copman der sake | vnschuldich is rades vnde dades, myt werke(n) edder mit worde(n). Dat scriue(n) | wij juw bij der crucekussinge. Vnde wi sende(n) tho juw vnse(n) | boden myt desseme breue vnd(e) mit vnseme houedslaende. Gheuet | eme eyn gud antworde.

Vn(de) zeet an gute naberschop. Bliuet gezu(n)d in | de² hillige(n) Dreuoldicheid.

Святыму отцу архиепископу Емелиану, посадникам, тысяцким, купцам и всему Великому Новгороду, нашим любезным соседям, передаем мы, бургомистры, ратманы и община города Ревеля наши пожелания здоровья.

Мы слышали, что вы задержали наших купцов с их товаром в вашем городе из-за ущерба, который понесли ваши братья летом на море, когда они были побиты и их товар был у них отнят. Пусть знает Господь, что мы жалеем об этом от всего сердца. И мы заявляем вам, по крестному целованию и без хитрости, что мы невиновны в этом деле, ни помышлением, ни делом, ни каким-либо знанием о нем, как мы об этом уже говорили летом вашему послу Андрею, по крестному целованию; и мы не знаем и не слышали о том, кто причинил ущерб вашим братьям. И если бы мы [это] знали, мы бы не стали ни утаивать это, ни умалчивать об этом, ни стоять за виновных. Это мы говорим вам по крестному целованию и без всякой хитрости. Кроме того, вы арестовали наших купцов с их товаром. И знайте, что вы сделали это вопреки воле Божьей, справедливости и крестному целованию; это знает Господь. Святой отец архиепископ и вы, посадники, тысяцкие и весь Великий Новгород, соблюдайте Божью волю и справедливость, дайте нашим купцам свободно выехать с их товаром, так как наши купцы отправились к вам, полагаясь на Бога и на крестное целование. Будьте любезны, позвольте им свободно уезжать и приезжать, так как все наше купечество невиновно в этом деле — помышлением или действием, словом или делом. Это мы пишем вам по крестному целованию. И мы отправляем к вам нашего посла с этой грамотой и с нашим челобитьем. Дайте ему добрый ответ.

¹ далее написано и зачеркнуто dat

² так в рукописи, следует читать der

Храните же добрососедство. Будьте здоровы во Святой Троице.

Русский текст

TLA, f. 1465, s. 872. Фотокопия лицевой стороны, конец XIX — начало XX в.
Подлинник не найден.

Вдоль верхнего края посередине листа простым карандашом (?): Aus Kasten 16.
В правом верхнем углу почерком Г. Гильдебранда: [1425 März, erste Hälfte] | Druck
U.B. 7 n. 261.

+ С(ва)тъму владице³ архибискун(у) Омельяну и посадьнику и къ тысацким и купцомъ и ко всему | Великом(у) Новгороду, нашимъ добрымъ сусъдом | добро здоровье отъ посадыньков и отъ ратма|новъ и отътъ всѣхъ колываньцев.

Мы слышели, | что вы нашихъ купцовъ принад(и) и съ ихъ | товаромъ вашемъ городъ про тую обиду | лѣтось, что вашъ брате⁴ побите на море | и товаре поимане. А Богъ то знаетъ, что | намъ то жаль отътъ всего сердца. А мы вѣмъ то повествуемъ по хр(ес)тном(у) целованью безъ всякое хитрости, тое же дѣло не дол(o)m⁵ | ни думою ни виновати, какъ мъ⁶ лѣтось | вашему послу Андreyю повестовали, | тако же по хр(ес)тном(у) целованью, а мы еще не | вѣдаемъ и не слыхали про ваше брате, | отътъ кого имъ та обида доспѣласъ. Штобъ⁷ | мы то вѣдали, не хотѣли бъ⁸ мы того за со|бою держать и заветать, а за виноват(ы) | не хотимъ стоять. То мы вамъ скажемъ | по хр(ес)тном(у) целованью безъ всякое хитрости. Люще того, вы нашихъ купецъ принад(и) | и съ ихъ товаромъ. То въ дѣете противъ | правды и хр(ес)тног(о) целованья; то Богъ⁹ | знаетъ. Осподине св(а)тыи бискупе вѣдѣко, познаи Бога и правду. А и вы, | посадник(и) и тысацкии и весь Великии | Новгородъ, милыи сусъди, познаите | Бога и правду, отпустите нашихъ купецъ | и съ ихъ товаромъ, то вамъ молимъса, даите имъ путь чистъ приехати и отътъехат(и), | занъда мы вси купци въ томъ оруды ни | виноват(и) ни дѣломъ, ни словомъ. То пишемъ вамъ | по хр(ес)тном(у) целованью, занъда купци надѣлиса на Богъ и на хр(ес)тное¹⁰ целование, наши | купци ехали къ вамъ.

Смотрите на добро сусъдство, а станьте зодорово | оу Сватии Софи.

³ с исправлена из а

⁴ с исправлена, вероятно, из и

⁵ так в рукописи

⁶ так в рукописи, далее точка посередине строки, возможно чтение мы

⁷ так в рукописи, далее точка посередине строки, возможно чтение чтобы

⁸ вписано над строкой

⁹ написано под титлом

¹⁰ написано без титла

¹ Предварительный перечень грамот об отношениях Новгорода и Пскова с Ливонией и Ганзой см.: *Polechov S.* Neue russische Quelleneditionen zu den altrussisch-livländischen Beziehungen // *Forschungen zur baltischen Geschichte*. — Tartu, 2017. — Bd. 12. — S. 34—55.

² ГВНП. — С. 79, № 44. Стоит отметить, что публиковался лишь древнерусский текст послания (подлинник: РГАДА. — Ф. 1490. — Оп. 1. — Ед. хр. 25. — Л. 2). Датировка следует из указания немецкого текста на запланированный съезд в день св. Иоанна (24 июня; в русском тексте его даты нет), предусмотренный перемирием от декабря 1371 г., и из совпадения имен посадника и тысяцкого в послании в Любек и в указанном перемирии (его текст, также доселе не опубликованный, сохранился в современном ему списке: РГАДА. — Ф. 1490. — Оп. 1. — Ед. хр. 29). Датировки грамот, опубликованных в ГВНП, здесь и далее приводятся по книге В.Л. Янина «Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий» (М., 1991), если не отмечено иное.

³ ГВНП. — С. 80—81, № 46; Кузнецов А.М., Иванов А.С. Рижский список Нибурова мира (1392 г.) // Новгородика-2010. Вечевой Новгород: материалы международной научно-практической конференции. — Великий Новгород, 2011. — Ч. 2. — С. 118—128.

⁴ ГВНП. — С. 98—100, 117—119, № 60, 72.

⁵ Казакова Н.А. Договор Пскова с Ливонией 1509 г. // Вопросы истории. — 1983. — С. 90—98. № 1 (русский текст); LECUB. — Abt. 2. Bd. III / bearb. von L. Arbusow. — S. 424—430, № 584 (немецкий текст).

⁶ ГВНП. — С. 117, № 71.

⁷ Опубликован лишь русский текст: ГВНП. — С. 323—324, № 336.

⁸ Хорошевич А.Л. Русские грамоты 60—70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива // Археографический ежегодник за 1965 год. — М., 1966. — С. 331—332, № 1 (русский текст); LECUB. — Abt. 1. Bd. XIII / bearb. von K. Neitmann, M. Thumser und M. Mahling. — Köln ; Weimar ; Wien, 2018. — S. 65, № 41 (немецкий перевод).

⁹ Lietuvos metrika. — Knyga Nr. 5. Užrašymų knyga 5 / par. A. Baliulis, A. Dubonis, D. Antanavičius. — Vilnius, 2012. — P. 326—328, № 519 (русский текст); LECUB. — Abt. 1. Bd. XIV / bearb. von Ch. Gahlbeck, M. Mahling, K. Neitmann und M. Thumser. — Wien ; Köln ; Weimar, 2020. — S. 344, № 374. (немецкий эсхатокол).

¹⁰ См. пример такого сопоставления: Лужин П.В. Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г. // Slověne: International Journal of Slavic Studies. — 2015. — Т. IV. — С. 253—265, № 1.

¹¹ Bunge F.G., von. Nachrichten über das alte Archiv des Rathes zu Reval // Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands. — 1844. — Bd. III. — S. 293—312; Kala T. Friedrich Georg von Bunges Quelleneditionen zur Geschichte der russischen Ostseeprovinzen und das Revaler Ratsarchiv // Blätter für deutsche Landesgeschichte. — Bd. 152 (2016). — S. 343—367. Попытка частично отказаться от этого деления, предпринятая в XX в., окончилась неудачно (см. ниже).

¹² Только по прорисовкам XIX в. и публикациям известны в настоящее время три послания Новгорода в Ревель (ГВНП. — С. 88—89, 114, 126—127, № 50, 69, 75; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. — Ф. 256. — Ед. хр. 44. — № 2, 3, 4; Отдел рукописей Библиотеки Академии наук. — Срезн. IV.6. — № 6).

¹³ Валк С.Н. Новые грамоты о новгородо-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. // Исторический архив. — 1956. — № 1. — С. 232—234.

¹⁴ LECUB. — Abt. 1. Bd. VII / begr. von F.G. von Bunge, fortg. von H. Hildebrand. — Riga; Moskau, 1881. — S. 189—190, № 261 (= HR von 1256—1430. — Leipzig, 1893. — Bd. VII. — S. 511, № 757).

¹⁵ См. о нем: *Печников М.В.* Евфимий I // Православная энциклопедия. — М., 2008. — Т. XVII. — С. 430—432.

¹⁶ Само это письмо не сохранилось (послания Дерпта в Ревель хранятся: TLA, f. 230, n. 1, s. BD I).

¹⁷ В этот период известный немецкий историк и архивист Фридрих Беннингхоффен (1925—2014) попытался реорганизовать Ревельский городской архив по образцу хорошо знакомого ему Кенигсбергского архива: оба они до 1978 г. находились в Государственном архивохранилище (Staatliches Archivlager) в Геттингене. Он сформировал «Ревельский архив писем» (Revaler Briefarchiv, сокращенно RBA), а его содержимое упорядочил по хронологии, по принципу «одно письмо — одна единица хранения», и присвоил им порядковые номера, под которыми они иногда упоминаются в литературе. Так, немецкий текст послания Ревеля в Новгород получил сигнатуру RBA 491. Однако после возвращения архива в Таллин было решено вернуться к прежней системе. Остается заключить, что место хранения в пометке было указано без какой-либо специальной проверки, исходя из сведений о судьбе архива, вывезенного в Германию в 1944 г. (о чем в Эстонии стало известно лишь несколько лет спустя) (см.: *Köiv L.* Das Stadtarchiv Tallinn (Reval) während des Zweiten Weltkrieges // Die Archive Estlands im europäischen Kontext. Vorträge der Konferenz im Tallinner Stadtarchiv vom 15. bis zum 16. September 2005 / hg. von L. Köiv und P. Pillak. — Tallinn, 2012. — S. 304—317).

¹⁸ Подробнее см.: *Polechov S.* Neue russische Quelleneditionen. — S. 19—20 (здесь на с. 20 ошибочно сказано, что послание 1425 г. было направлено в Новгород властями Дерпта). Публикуемое здесь послание не отмечено в специальной статье: *Анкудинов И.Ю.* Неразысканные новгородские и псковские грамоты XII—XV вв. // Историк и источник: сб. ст. к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. — СПб., 2018. — С. 3—16. Стоит также добавить, что упоминаемая здесь рядная Леонтия Зацепина с княжеостровцами первой четверти XV в. (с. 6) отмечена в перечне погибших документов варшавской Библиотеки майора Красинских, сожженной гитлеровцами в 1944 г. (*Wolff A.* Zniszczone dokumenty Biblioteki Ordynacji Krasiniskich // Straty bibliotek i archiwów warszawskich w zakresie rękopiśmiennych źródeł historycznych. — Warszawa, 1955. — T. 3: Biblioteki. — S. 188, № 51).

¹⁹ См. подробнее: Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. — Л., 1975. — С. 108—109.

²⁰ О ходе конфликта 1424—1425 гг. см.: *Goetz L.K.* Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922 (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge. Bd. V). — S. 114—116; Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. — С. 107—109. Наиболее точно место инцидента указано в послании Ревеля выборскому наместнику Кристеру Нильссону Вазе (Керстену Никлессону) от 18 мая 1425 г. — *by Jwmentacken* (ныне — дер. Юминда на одноименном полуострове в Эстонии, см.: LECUB. — Bd. VII. S. 202—203, № 283). Новгородские власти обвиняли в грабеже жителей Везенберга (ныне — г. Раквере), расположенного примерно в 70 км к юго-востоку от Юминды. Также они обвиняли в соучастии в этом преступлении и людей из других городов Ливонии, в частности, ганзейского Ревеля, заявляя, что они ходят там в захваченной у новгородцев одежде («unde dar gaen de lude unde dregen noch de cledere, unde ok tho Revale»; LECUB. — Bd. VII. — S. 225—226, № 317).

²¹ Сквайрс Е.Р. Русь и Ганза: модель языкового контакта // Славяно-германские исследования. — Т. 1—2 / отв. ред. А. Гутнин, А. Циммерлинг. — М., 2000. — С. 436—540, здесь С. 464—471; Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород. Языковые аспекты исторических контактов. — М., 2002. — С. 78—96, 99—101.

²² См. обзор и анализ контактных особенностей средненижненемецкого языка документов, относящихся к связям Ганзы с Новгородом, в: *Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород...* С. 115–260; *Squires C. Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen, mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England.* (Niederdeutsche Studien. Schriftenreihe der Kommission für Mundart- und Namenforschung des Landschaftsverbandes Westfalen-Lippe. Bd. 53.). Köln; Weimar; Wien, 2009. S. 86–153, 167–191, 195, 209–217.

²³ *Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н.. Ганза и Новгород...* — С. 323 (Прил. IV).

²⁴ См.: Лукин П.В. ТERRITORIALНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В НОВГОРОДЕ XII–XIII ВВ. ПО ДАННЫМ РАННИХ ГРАМОТ // ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТОГЕНЕЗА. XXVII ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ЧЛ.-КОРР. АН СССР В.Т. ПАШУТО, МОСКВА, 15–17 АПРЕЛЯ 2015 Г.: МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ. — М., 2015. Ср.: *Steindorff L. La place de Novgorod dans le paysage urbain d'Europe // Novgorod ou la Russie oubliée — Une république commerçante / sous la direction de Ph. Frison et O. Sevastyanova.* — Paris, 2015.

²⁵ *Squires C. Die Hanse und Novgorod: drei Jahrhunderte Sprachkontakt // Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung, Heft 129* (2006). S. 43–87, hier S. 70.

²⁶ Бурлаченко Л.И. Согласование в числе при коллективных существительных в средненижненемецком языке: курсовая работа (бакалавр, научный руководитель — Е.Р. Сквайрс). — М., 2018. — На правах рукописи.

²⁷ Там же. — С. 37.

²⁸ Ср. в новгородской берестяной грамоте № 794: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. — Изд. 2-е, перераб. — М., 2004. — С. 320–321.

²⁹ О древнерусском собирательном обозначении и его отражении в средненижненемецких переводах см.: *Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород...* — С. 247–248. Подробнее об этом см. ниже, в анализе древнерусского текста публикуемого послания.

³⁰ *Schiller K., Lübben A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch.* — Bremen, 1875. — Bd. I. — S. 427; MHWB. — Neumünster, 1956. — Bd. I / hg. von A. Lasch und C. Borchling, fortg. von G. Cordes. — Sp. 350.

³¹ Так в немецких переводах договоров 1371, 1373 и 1392 гг. и в письмах немцев Новгороду 1420, 1421, 1426, 1439 гг. и др. — см.: *Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород...* — С. 248–249.

³² О контекстах и формах обращений в русско-немецкой переписке, в том числе и в варианте «соседи наши», см.: *Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород...* — С. 243–244.

³³ См.: *Schiller K., Lübben A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch.* — Bd. I. — S. 488 (dat); Bremen, 1877. — Bd. III. — S. 425 (rat).

³⁴ Подробнее происхождение и история этой парной формулы в западной традиции и в русском языке рассматриваются в специальной статье, см.: *Сквайрс Е.Р. Молитва и клятва: об одном новгородско-немецком контексте 1425 года // Атлантика. Записки по исторической поэтике.* — М., 2018. — Вып. XV. — С. 165–182.

³⁵ Древнеанглийская формула *aet ræde ne aet dæde* «ни словом, ни делом» входит в состав таких судебных клятв, см.: *Schmied R. Die Gesetze der Angelsachsen.* — Leipzig, 1832. — Bd. 1: Text nebst Übersetzung. — S. 216. Подробнее о ее связи с немецкой клятвой см.: *Сквайрс Е.Р. Молитва и клятва...* — С. 172–174.

³⁶ См. подробнее: *Сквайрс Е.Р.* В двух словах: и слово, и дело, и правда, и закон (контекст из русско-ганзейской грамоты 1425 г.) // Скрытые смыслы или грамматика нереального-2: материалы круглого стола. — М., 2018. — С. 57–64, здесь с. 54, 56.

³⁷ Есть теоретическая возможность того, что речь идет об интерпретации. В литературе была обоснована концепция, согласно которой значение древнерусского понятия «правда» было отлично от нынешнего и сближалось со значением современного слова «вера» (Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. — М., 1998. — С. 33–116). Поэтому «правда» могла подразумевать и «справедливость», и божественную волю, на которой эта справедливость основывалась, и замена в русском переводе «правдой» одновременно Божьей воли и (юридической) справедливости (*recht*) средненижненемецкого оригинала может быть не просто обычной опиской. Впрочем, эта концепция не выходит пока, как представляется, за рамки гипотезы.

³⁸ *Никитский А.И. Отношения Новгородского владыки к немецкому купечеству по новым данным // Журнал Министерства народного просвещения.* — 1883. — № 7. — Отд. 2; Лукин П.В. Новгородское вече. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М., 2018. — С. 373–378.

³⁹ LECUB. — Bd. VII. — S. 257–258, № 363; НПЛ. — С. 414. См. также: *Никитский А.И. Отношения Новгородского владыки.* — С. 8; *Казакова Н.А. Руско-ливонские и русско-ганзейские отношения.* — С. 109. О масштабах эпидемии свидетельствует тот факт, что ее счел нужным отметить в своей хронике современник событий, любекский доминиканец Герман Корнер (см.: *Полехов С.В. Известие хроники Германа Корнера о Вилькомирской битве и его исторический контекст // Pabaisko mūšis ir jo epocha.* — Vilnius, 2017. — Р. 91–112, здесь особенно с. 96).

⁴⁰ «...unde quemen lopen uppe den hoeff alze do[v]endighe hünde, offte uns dey eine wuld seiden unde dei ander braden, unde wy solden jo in des bodels hues unde in dey yseren gân» (LECUB. — Bd. VII. — S. 221, № 311). В публикации вместо *dovendighe* напечатано *donendighe*, что, вероятно, является ошибкой, поскольку в оригинале буквы *v/u* и *n/p* пишутся примерно одинаково (ср. совершенно идентичные, похожие на *n*, написания *louede(n)* и *doue(n)dige* в оригинале: TLA, f. 230, n. 1, s. BE 14-I, l. 44, 4-я и 10-я строки сверху соответственно). Ср. перевод *donendighe* как «лающие» в недавней публикации (Бессуднова М.Б. «Русская Ганза». Жизнь Немецкого подворья в Новгороде, 1346–1521 годы. Письма и материалы — СПб., 2019. — С. 114). У глагола *donen* («издавать звуки, галдеть (о птицах)» не было, однако, значения «лаять» (MHWB. — Bd. I. — Sp. 445).

⁴¹ «Dit hedde uns warliken overgân, hedden dar nycht gute lude vor gewest, sunderlinges dey bysschop, dey vor uns duslange gebeden hevet, dar hei grot vordreit umme lit van den Russen vormyddest siner bede unde vulbort, dei hei dar nycht to geven en wolde...» (LECUB. — Bd. VII. — S. 221, № 311; текст частично исправлен по рукописи).

⁴² LECUB. — Bd. VII. — S. 269–270, № 379.

⁴³ «...vormyddelst groten beden, arbeide unde underwisinge des byscopes van Nougaarden» (LECUB. — Bd. VII. — S. 291, № 418).

⁴⁴ LECUB. — Bd. VII. — S. 257–258, № 363.

⁴⁵ HR. — Abt. I, Bd. VIII. — Leipzig, 1897. — S. 15, № 23.

⁴⁶ ГВНП. — С. 92–94, № 54, 55. См. об этом: *Сквайрс Е.Р. Русь и Ганза.* — С. 462–463.

⁴⁷ Келивидзе Н.В. Икона Софии Премудрости Божией и особенности новгородской литургической традиции в конце XV века // Сакральная топография средневекового города / ред.-сост. А.Л. Баталов, Л.А. Беляев. — М., 1998. — (Известия / Институт христианской культуры средневековья; т. I); Хорошев А.С. Новгородская Святая София и псковская Святая Троица по летописным данным: (из истории местных патрональных культов) // Хорошие дни. Памяти А.С. Хорошева. — Великий Новгород; СПб.; М., 2009; Гиппиус А.А. Архиепископ

- Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Там же; *Мусин А.Е.* Загадки Дома Святой Софии. — СПб., 2013. — С. 77—81; *Золотарев С.Е. Ecclesiae dedicatio — civitatis historia*. Новгород между Константинополем и Москвой // Бренное и вечное: имперский синдром: идеология, мифология и социокультурная практика: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, 3—4 декабря 2013 г. — Великий Новгород, 2014.
- ⁴⁸ См.: LECUB. — Abt. 1. Bd. VII. — S. 215, № 303.
- ⁴⁹ Плюханова М.Б. Стихи о Софее в Стишном прологе из Папского восточного института в Риме // Словене = (Slovène): International Journal of Slavic Studies. — 2015. — № 1, здесь особенно: С. 380.
- ⁵⁰ LECUB. — Abt. 1. Bd. VII. — S. 243, № 346.
- ⁵¹ LECUB. — Abt. 1. Bd. IX / fortg. von H. Hildebrand. — Riga; Moskau, 1889. — S. 303, № 435.
- ⁵² Хорошкевич А.Л. Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. // Археографический ежегодник за 1963 год. — М., 1964. — С. 273—276, № 3; Зализняк А.А. Древнерусский диалект. — Изд. 2-е. — М., 2004. — С. 687—690.
- ⁵³ Имеется также два спорных случая, когда после б стоит точка, которую можно трактовать и как вторую часть буквы ѿ.
- ⁵⁴ Зализняк А.А. Древнерусский диалект. — С. 608.
- ⁵⁵ ГВНП. — С. 15, 24, 27—28, 29—30, № 4, 12, 14, 15.
- ⁵⁶ Зализняк А.А. Древнерусский диалект. — С. 103.
- ⁵⁷ ГВНП. — С. 117, № 71.
- ⁵⁸ Теоретически, сочетание *наше брате* можно, учитывая регулярную замену в грамоте безударного ѿ на е, понять и как В. мн. *<нашъ братъ>*, с новгородской флексией. Однако заведомо сингулярное *нашъ брате* в номинативе делает эту трактовку существенно менее вероятной.
- ⁵⁹ Зализняк А.А. Древнерусский диалект. — С. 101.
- ⁶⁰ ГВНП. — С. 117, № 71.
- ⁶¹ Stang Chr. S. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. — Oslo, 1939. — S. 42.
- ⁶² Связывая его происхождение с северо-украинскими и южно-белорусскими говорами, Хр. Станг видит в этом различии одно из свидетельств того, что язык великорусской канцелярии имел отличную от полоцкой диалектную основу. Язык же полоцких грамот этого времени Хр. Станг рассматривает как провинциальную разновидность канцелярского языка Литовской Руси. Влиянием на него со стороны языка литовской великорусской канцелярии он объясняет, в частности, исчезновения смешения ц и ч из полоцких грамот XV в. (*Stang Chr. S. Die altrussische Urkundensprache...* — С. 92—103).
- ⁶³ Stang Chr. S. Die altrussische Urkundensprache... — S. 47—48; *Idem. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*. — Oslo, 1935. — S. 27 ff.
- ⁶⁴ ПГ. — Т. I. — С. 137—139, № 52.
- ⁶⁵ Зализняк А.А. Древнерусский диалект. — С. 200.
- ⁶⁶ ГВНП. — С. 79, № 44. О датировке см. выше.
- ⁶⁷ ГВНП. — С. 88—89, № 50.
- ⁶⁸ ГВНП. — С. 94—95, № 56.
- ⁶⁹ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. / подгот. А.Л. Хорошкевич (отв. ред.), С.В. Полехов (зам. отв. ред.), В.А. Воронин, А.И. Груша, А.А. Жлутко, Е.Р. Скайрс, А.Г. Тюльпин. — М., 2015. — Т. 1. Тексты грамот. Приложения. Указатели; Т. 2. Комментарии. Исследовательские статьи. — С. 165, № 62 (Т. 1). С. 75—76. (Далее — ПГ).
- ⁷⁰ ПГ. — Т. I. — С. 165—166, № 63.
- ⁷¹ ПГ. — Т. I. — С. 179—180, № 74.
- ⁷² ПГ. — Т. I. — С. 124—125, № 48.
- ⁷³ ГВНП. — С. 80—83, № 46.
- ⁷⁴ ПГ. — Т. 2. — С. 63.
- ⁷⁵ LECUB. — Bd. VII. — S. 221, № 311.
- ⁷⁶ «Новгород» (или «Великий Новгород») — обозначение новгородского «политического народа», политического коллектива, состоявшего из полноправных новгородцев, входивших в городские кончанские и уличанские объединения, который осмыслился в рамках новгородских политических представлений как некая коллективная «личность», правившая Новгородской республикой как русские князья (великие князья) правили своими владениями. В зависимости от обстоятельств «Новгород» могли представлять различные органы власти и должностные лица. Наиболее идеальным его воплощением было вече. См. подробнее: Лукин П.В. Новгородское вече. — С. 268—287.
- ⁷⁷ «Do dat Sinnerman Nouwerden to bekennende gaf, do loden se uns vor Sunte Jóhannesse unde seden, Nouwerde hadde gram up uns gewest, unde wolden uns int yseren hebben gesat» (HUB. — Leipzig, 1905. — Bd. VI / hg. von. K. Kunze. — S. 323, № 580).
- ⁷⁸ LECUB. — Bd. VII. — S. 199, № 278.
- ⁷⁹ «Nu se horen, dat hyr boden komen solen, nu hebben se uns up de hant gedaen den olderluden unde Hans Lyppen, eten unde drinken to kopen unde van deme ene hove up den andern to gande, vorder nerghen to gande» (HUB. — Bd. VI. — S. 323, № 580).
- ⁸⁰ Известно, что одним из послов был рижский ратман Хартвих Зегефрид (LECUB. — Bd. VII. — S. 239, Anm. 1).
- ⁸¹ «...moten wii id clagen heren, fursten unde allen guden steden unde Gode erst unde leest, dat he dat unrecht richte, dat gii openbar tegen Godes recht unde tegen de kruttekussinge hirane don...» (LECUB. — Bd. VII. — S. 243, № 346).
- ⁸² См.: LECUB. — Bd. VII. — S. 244—245, № 348; S. 247—248, № 352; S. 251—252, № 356; S. 252—254, № 358.
- ⁸³ LECUB. — Bd. VII. — S. 257—258, № 363.
- ⁸⁴ Фан Меген отправился в Новгород в этот раз в декабре 1425 г. (LECUB. — Bd. VII. — S. 270—271, № 380).
- ⁸⁵ «Unde begeren, dat gi dar in der sulven wyse ok also to antworden, int vorbeterend van juwer vorsich[tich]eid, doch yo also, dat juwe antworde mit deme unsen overeyndregen...» (HR. Abt. I. Bd. VIII. — S. 8, № 8; см. также о переговорах: Ibidem. — S. 5—7, № 6—7).

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

Т 78

Серия основана в 1997 году

Редакционная коллегия:

Ю.А. Петров (ответственный редактор),
А.В. Голубев, А.А. Горский, В.Н. Захаров, Е.Ю. Зубкова,
С.В. Журавлев (зам. ответственного редактора), Д.Ю. Козлов,
В.В. Кондрашин, В.А. Кучкин, Д.Б. Павлов, Н.М. Рогожин,
Т.М. Смирнова (редактор-координатор),
В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев

Рецензенты:

д-р ист. наук А.С. Усачев,
д-р ист. наук Н.М. Рогожин

*Утверждено к печати
Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук*

Т 78 Труды Института российской истории / Рос. акад. наук,
Ин-т рос. истории. — М., 1997 — .

Вып. 16 / [отв. ред. Ю.А. Петров ; ред.-координатор
Т.М. Смирнова] ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. — 2021 . —
296 с. — ISBN 978-5-8055-0396-3

Очередной, 16-й выпуск «Трудов Института российской истории РАН» включает исследования и публикации, выполняющиеся в рамках программы «Акты Российского государства: государственные и корпоративные архивы XIII—XVII вв.», работа над которой идет в Институте российской истории РАН, а также в Институте всеобщей истории РАН, Государственном архиве древних актов, при поддержке Администрации президента Российской Федерации. В сборнике публикуются работы, относящиеся к законодательным памятникам XIV—XV вв., материалам московских приказов XVI—XVII столетий, в т.ч. посольской документации, разрядным книгам, документам Казенного приказа, а также материалам Литовской метрики и родословным книгам.

ISBN 978-5-8055-0396-3

© Институт российской истории РАН, 2021
© Российской академии наук, серия
«Труды Института российской истории»
(разработка, оформление), 1997 (год
основания), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
<i>А.А. Бондаренко</i> Список духовной грамоты Дмитрия Ивановича Донского 1389 г. в Литовской метрике.....	8
<i>А.А. Горский</i> О датировке «докончальной грамоты» великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана	35
<i>С.В. Полехов, А.А. Гиппиус, П.В. Лукин, Е.Р. Сквайрс</i> Новая грамота о новгородско-ганзейских взаимоотношениях (1425 г.).....	41
<i>К.В. Вершинин</i> Заметки о «Правосудии митрополичьем»	76
<i>С.В. Городилин</i> Ростовский князь Владимир Андреевич и его недолгое псковское княжение	84
<i>А.В. Виноградов</i> Политическая элита Великого княжества Литовского в дипломатических связях с Москвой в период «великого бескоролевья» 1572—1576 гг.	146
<i>А.Г. Гуськов, Д.В. Лисеццев</i> «И которые блиско нас земли есть, и ты... твои, государя великого, будут»: грамота князя Семена Федоровича Бельского турецкому султану Сулейману Великолепному	160
<i>А.В. Малов, О.С. Смирнова</i> Пожалования на Казенном дворе переводчиков и толмачей Посольского приказа в 1613—1621/22 гг.	168
<i>А.В. Малов, Г.А. Тарасова</i> Вопрос о выделении посольских расходов в отдельный вид книг Казенного двора в первые годы царствования Михаила Федоровича.....	208
<i>О.В. Новохатко</i> Работа Разрядного приказа с челобитными служилых людей (по записным книгам Разрядного приказа).....	264
<i>О.И. Хоруженко</i> Пыжовский список Румянцевской редакции родословных книг.....	282
Сведения об авторах.....	295